
Аркадий Старцев
Цена чужого слова
Исторический детектив

Аркадий Старцев

Цена чужого слова

«Автор»
2026

Старцев А.

Цена чужого слова / А. Старцев — «Автор», 2026

В небольшом уральском городе Реже судебному переводчику Михаилу Веденину предстоит разобраться в запутанном деле о наследстве. На первый взгляд всё просто: документы составлены, подписи стоят, деньги распределены. Но за безупречно оформленными бумагами скрывается тщательно продуманный обман.Вместе со своим помощником Павлом Веденин начинает расследование, в котором каждая улика порождает новые вопросы, а неожиданным свидетелем становится говорящий попугай.Поддельные письма, тайны прошлого, опасные знакомства и чувства, которым не всегда можно доверять. Противник умён и прекрасно знает, как превратить закон в орудие преступления.Веденину предстоит доказать, что порой одно неверно переведённое слово может стоить целого состояния, а за правду приходится платить собственной жизнью.

© Старцев А., 2026
© Автор, 2026

Аркадий Старцев
Цена чужого слова

Аркадий Старцев

Цена чужого слова

Исторический детектив

Пролог. До первого снега.

Режевской завод. Июнь 1900 года.

Позднее Михаил Андреевич много раз вспоминал тот вечер и всякий раз сердился на себя: он помнил, как Ксения придерживала рукав над самоваром, но не мог припомнить, кто первым заговорил о Глинском.

Впрочем, тогда он ещё не знал, что об этом придётся вспоминать.

Под столом вздохнула Жуля.

Собака положила морду ему на сапог и закрыла глаза. Одно ухо у неё стояло, другое лежало, отчего даже во сне она казалась не до конца уверенной в происходящем.

— Всё, — сказал Павел. — Теперь вам не уехать.

— Отчего же?

— Она выбрала. У нас дома так же было. Собака легла отцу на ноги, и он одиннадцать лет никуда не ездил.

— Ваш отец служил смотрителем.

— Вот именно. Всегда найдётся объяснение.

Ксения улыбнулась, не поднимая головы.

Михаил заметил эту улыбку. И ещё — маленький ожог у неё на запястье. Ему захотелось спросить, больно ли. Вместо этого он взял со стола пустой чайник.

— Позвольте мне.

Ксения посмотрела на него с некоторым удивлением.

— Вы у всех отнимаете работу?

— Только опасную.

— Тогда шаньги Павлу не давайте. Он третью берёт.

Павел остановил руку.

— Вторая была маленькая. Я счёл их за одну.

На блюде под полотенцем ещё держалось тепло. Картофель на шаньгах запёкся неровными золотистыми пятнами; возле края белела густая сметана. Михаил разломил свою, и на пальцы выступило масло.

С балкона белого дома были видны завод, пруд и плотина. По дороге шла женщина с пустыми вёдрами. Следом мальчик гнал гусей, однако гуси считали, что идут сами и совсем в другую сторону.

У заводских ворот остановилась повозка.

За прудом, над крышами, стояла деревянная церковь на Орловой горе. Вечерний свет ещё держался на верхних окнах, а внизу уже собиралась прохлада.

Ксения отодвинула свою чашку.

— Осенью здесь совсем иначе, — сказала она. — Вы берега не узнаете.

— Почему?

— Лес пожелтеет. Вода потемнеет. И станет слышно, как далеко лают собаки.

— А зимой?

— Зимой приезжайте и посмотрите.

Она произнесла это просто, как говорят о погоде.

Михаил осторожно поставил чайник.

До этой минуты он собирался уехать через неделю.

— Возможно, — ответил он.

Павел опустил голову к тарелке. Только плечи у него подозрительно дрогнули.

Из комнаты вышел Тихон, большой серый кот Анны Петровны. Остановился на пороге, осмотрел собаку и гостей, затем прыгнул на свободное кресло. Жуля открыла один глаз и снова уснула.

— Вот кто здесь настоящий хозяин, — сказала Ксения.

Михаил смотрел на неё и слишком поздно понял, что следовало посмотреть на кота.

Внизу звякнула щеколда.

Жуля подняла голову.

Она прислушалась, потом резко встала, освободив сапог Михаила.

На дорожке появился Николай Осипович Глинский.

Он был без шляпы. Седые волосы прилипли ко лбу; одну руку он держал у груди, словно придерживал под сюртуком что-то тяжёлое.

Ксения поднялась.

— Николай Осипович, вам нехорошо?

Глинский посмотрел на неё, но ответил не сразу.

— Анна Петровна дома?

— Сейчас позову.

— Не надо.

Он сказал это слишком громко.

На плотине мальчик наконец собрал гусей. Одна птица вырвалась, захлопала крыльями, и мальчик побежал за ней, сердито подхватывая сползающие штаны.

Глинский обернулся на шум.

Михаил заметил: старик смотрит не на мальчика.

На повозку у заводских ворот.

— Вы Веденин? — спросил Глинский.

Михаил встал.

— Да.

— Переводчик?

— Чем я могу вам помочь?

Старик вынул из-под сюртука сложенный лист.

Ксения протянула руку к чашке, но вдруг остановилась. Михаил увидел, как изменилось её лицо.

Она узнала бумагу.

Или почерк на ней.

— Николай Осипович, — тихо сказала она, — откуда это у вас?

Глинский прижал лист к груди.

— Значит, вы тоже знаете.

Внизу застучали копыта. Повозка тронулась от заводских ворот и выехала на плотину.

Жуля глухо зарычала.

— Михаил Андреевич, — сказал Глинский, не отрывая взгляда от дороги, — если вам скажут, что я умер своей смертью, не верьте.

Ксения взялась за перила.

Михаил впервые за весь вечер посмотрел туда, куда смотрела она.

Глава первая. Благодарные сослуживцы.

Пермь. Начало июня 1900 года.

В то утро Михаил Андреевич Веденин проснулся прежде, чем дворник принялся ругаться с водовозом.

Обычно происходило наоборот.

За открытым окном шуршала листва. Где-то совсем близко воробей с таким упорством повторял одну и ту же короткую песню, словно надеялся наконец добиться правильного ответа.

Михаил сел на кровати, прислушался к дому и встал.

На спинке стула висела рубашка. Под ней, аккуратно сложенный, лежал дорожный костюм. Саквояж стоял у двери; ремни были застёгнуты, но не затянуты: Павел непременно вспомнит о какой-нибудь необходимой вещи в последнюю минуту.

В прошлую поездку такой вещью оказалась подушка.

— Вы же сами говорите, что в дороге надо сохранять голову, — объяснил тогда Павел.

Михаил отодвинул стул, освободив место для гимнастики.

Наклоны он делал медленно. При вращении плечами левая кисть отозвалась знакомой тянущей болью. Он остановился, несколько раз согнул пальцы и продолжил, уже осторожнее.

За стеной кашлянула хозяйка квартиры.

— Михаил Андреевич! Воду принесли.

— Благодарю, Аграфена Семёновна.

— Только вы уж сегодня без потопа.

Потоп случился однажды, в ноябре, когда у ведра оторвалась дужка. С тех пор Аграфена Семёновна считала полезным напоминать о нём перед каждым обливанием.

На кухне пахло растопленной печью и свежим хлебом. У порога тёрлась рыжая кошка с белой грудью.

— Не пускайте её во двор, — попросила хозяйка. — Опять вчера котёнка принесла.

— Своего?

— Чужого. Своих у неё нет. А кормить теперь мне.

Кошка посмотрела на Михаила с выражением человека, чьи благотворительные начинания обсуждают при нём в неподобающем тоне.

Он пропустил её в коридор и вышел во двор.

Холодная вода перехватила дыхание. На несколько мгновений мир стал простым: мокрые доски под ногами, воздух, кожа, тяжёлое ведро в руке.

Из окна второго этажа донеслось:

— Господи, и чего человеку дома не сидится.

Михаил вытер лицо полотенцем.

Поездка и вправду была странная.

Письмо Анны Петровны Зориной пришло за восемь дней до отъезда.

Плотная бумага, ровный почерк, никаких исправлений. Вдова покойного заводского служащего просила приехать в Режевской завод и разобрать оставшиеся после мужа французские письма.

Вознаграждение предлагалось щедрое. Слишком щедрое для нескольких десятков страниц.

Это Михаилу не понравилось.

Ещё меньше ему понравилась приписка.

«Если сочтёте возможным принять моё предложение, прошу не объявлять посторонним истинной цели приезда. Вы можете представиться родственником моего покойного мужа».

Он прочитал эту фразу трижды.

Потом перевернул лист.

На обороте было добавлено:

«Ваше участие в деле Беловой даёт мне надежду, что Вы согласитесь сначала выслушать меня и лишь затем судить».

После этих слов Михаил сел.

Дело Беловой не принесло ему ни известности, ни денег. В газетах о нём почти не писали. Сказать по правде, он предпочёл бы, чтобы о нём вообще никто не вспоминал.

В ответном письме он сообщил, что приедет, но выдавать себя за родственника не станет.

Зорина ответила короткой телеграммой:

«Приезжайте как сочтёте нужным. Только приезжайте».

Теперь оба письма лежали в кармане дорожного сюртука.

Глава вторая. Вещи необходимые и прочие.

Павел Сергеевич Куликов появился с хлебом под мышкой.

Не с булкой, не с краюхой, которую можно незаметно сунуть в карман, а с большим круглым караваем, завёрнутым в полотенце.

Аграфена Семёновна посмотрела сперва на хлеб, потом на него.

— Вы надолго собрались?

— Неизвестно.

— И потому решили с собой пекарню взять?

— Пекарню неудобно, — объяснил Павел. — У неё труба.

Михаил Андреевич, стоявший перед зеркалом, встретился с его отражением и отвернулся, поправляя галстук.

— Надеюсь, это не единственное ваше дорожное имущество.

— Остальное уже у извозчика. А это от матушки. Она велела передать, что чужая стряпня бывает обманчива.

— В каком смысле?

— Не разъяснила. Но смотрела на меня так, будто я должен понимать.

Павел положил каравай на кухонный стол и принялся развязывать полотенце.

— Не трогайте, — сказала хозяйка.

— Я только проверю, что там.

— Хлеб.

— В прошлый раз внутри были яйца.

Аграфена Семёновна помолчала.

— Сваренные хоть?

— Конечно. Матушка предусмотрительная.

Михаил надел сюртук. Поднял саквояж, поставил обратно и проверил, заперто ли окно во двор.

На письменном столе оставались чернильница, нож для разрезания бумаги и тонкая тетрадь в сером коленкоровом переплёте. Михаил раскрыл её вечером, когда ещё раз перечитывал письмо Зориной.

На первой странице стояла фамилия: «Белова».

Ниже шли даты, выписки из показаний и несколько наклеенных полосок бумаги с чужими подписями.

Он провёл пальцем по краю одной из них.

— Эту тоже возьмём? — спросил Павел из дверей.

— Да. Положите отдельно от белья. Здесь ещё есть незакреплённые листки.

— В кожаную папку?

— Именно.

Из кухни донёсся голос хозяйки:

— Павел Сергеевич! Вы куда хлеб уносите без полотенца?

Павел оглянулся.

— Я сейчас.

Он положил пустую папку на стул и ушёл спасать своё продовольствие.

Михаил тем временем достал из ящика небольшую коробку. Открыл, посмотрел на револьвер и несколько секунд постоял неподвижно.

Потом убрал оружие в дорожные вещи.

За дверью послышались голоса.

Сначала Аграфена Семёновна сказала:

— Вам кого?

Затем мужской голос ответил:

— Веденин здесь проживают?

— Проживает. А вы с чем?

— С выражением.

— Чего?

— Почтения, должно быть. Мне не объяснили.

Михаил вышел в переднюю.

В дверях стоял молодой посыльный в слишком тесной форменной куртке. Он держал огромный венок. Тёмная зелень закрывала его почти до подбородка; поверх лежали белые цветы, а с боков свисали широкие ленты.

— Прошу прощения, — сказал посыльный.

— За что? — спросил Михаил.

Тот замялся.

— Доставка господину Веденину.

Аграфена Семёновна медленно перекрестилась.

Павел, показавшийся за её плечом с караваем, перестал жевать.

Михаил приподнял ленту.

Золотые буквы сообщали:

«Михаилу Андреевичу. От благодарных сослуживцев».

Он прочитал надпись ещё раз.

— Благодарность несколько преждевременная, — сказал он. — Я ещё даже не уволился.

Посыльный не улыбнулся.

Павел осторожно обошёл венок сбоку.

— А записка есть?

— Не велено.

— Кем?

— В заведении сказали доставить. Я и доставил.

Аграфена Семёновна вдруг сердито взялась за дверную ручку.

— Уносите. Живому человеку такую вещь в дом! Что же вы адреса-то не разбираете?

Посыльный полез в карман, едва не уронив венок. Михаил поддержал его за деревянную основу.

Вместе с клочком бумаги из кармана выпала монета. Посыльный наступил на неё каблуком.

Михаил заметил это движение, но ничего не сказал.

На бумажке стоял их адрес.

Ни фамилии заказчика, ни названия заведения не было.

— Где вы получили венок?

Посыльный назвал улицу и добавил:

— У угла. Возле лавки.

— В самой лавке?

— Там тесно. Мне вынесли.

— Кто?

— Мужчина.

Аграфена Семёновна поджала губы.

— Очень содержательный разговор. Извозчик ждёт, поезд ждать не станет.

Павел посмотрел на часы.

— Михаил Андреевич…

Тот ещё раз взглянул на посыльного.

— Как вас зовут?

— Егор.

— Егор, отнесите венок обратно. Скажите, что адрес верный, но получатель им пользоваться пока не намерен.

Он отпустил деревянный обод.

Посыльный попятился к двери и только тогда поднял монету.

Потом всё происходило быстро.

Аграфена Семёновна требовала, чтобы Павел забрал хлеб. Павел искал свою фуражку, которая обнаружилась у него под мышкой. Извозчик в третий раз заглянул во двор и сказал, что лошадь не железная, хотя никто этого не утверждал.

Михаил вернулся в комнату.

Серую тетрадь он переложил на подоконник, чтобы прижать раскрывающуюся обложку тяжёлым стеклянным прессом. Из-под вклеенной полоски торчала тонкая нить: надо было непременно подклеить страницу.

— Михаил Андреевич! — позвал Павел. — Мы идём?

На стуле лежала кожаная папка.

Михаил взял её, сунул под ремень саквояжа и оглядел стол.

Чернильница закрыта. Ящик заперт. Свеча погашена.

Всё было в порядке.

Рыжая кошка с белой грудью сидела возле двери и умывала лапу.

— Вы хоть остаётесь за старшую, — сказал ей Михаил.

Кошка прекратила умываться и посмотрела мимо него.

На подоконнике под стеклянным прессом белел уголок бумаги.

Но Михаил уже вышел.

Во дворе пахло нагретой пылью и овсом. Лошадь переступала с ноги на ногу. На облучке сидел худой извозчик с таким лицом, будто их поездка была его личной неудачей.

Павел устроил каравай поверх вещей.

— Хлеб не придавите, пожалуйста.

Извозчик посмотрел на него.

— Может, ему место уступить?

— Если вам удобно.

Михаил взялся за поручень и поставил ногу на подножку.

Павел вдруг схватил его за локоть.

— Бумажник!

Михаил опустил ногу.

Похлопал себя по внутреннему карману.

Потом по другому.

— На комоде, — сказал он.

— Возле щёток. Я видел.

Павел уже бежал через двор.

— Ключ! — крикнул Михаил.

— Аграфена Семёновна ещё не заперла!

Извозчик вытянул губы и негромко свистнул.

— Всегда так собираетесь?

— Сегодня особенно удачно, — ответил Михаил.

Из открытого окна послышался голос хозяйки:

— Павел Сергеевич, да куда же вы с сапогами…

Затем что-то упало.

Михаил закрыл глаза.

Павел вернулся с бумажником в одной руке и щёткой в другой.

— Это зачем?

Павел посмотрел на щётку.

— Попутно.

Он передал бумажник, а щётку торжественно положил на каравай.

— Теперь всё.

Михаил проверил деньги, убрал бумажник и сел.

— Вы уверены?

— Вполне. Билеты у вас, вещи здесь, хлеб здесь. Папка здесь. Даже щётка есть.

Извозчик тронул вожжи.

Колёса перевалились через неровность у ворот. Павел придержал каравай, Михаил — саквояж.

Аграфена Семёновна стояла у калитки.

— Возвращайтесь здоровыми!

— И вы берегите себя! — ответил Михаил.

Павел снял фуражку.

— Кошке поклон!

Хозяйка махнула рукой, прогоняя их обоих.

Дом скрылся за поворотом.

Некоторое время они ехали молча.

Павел разглядывал прохожих, приподнимаясь на ухабах. Михаил смотрел на закрытые ставни лавки, но думал о клочке бумаги с собственным адресом.

— Странный человек, — сказал он наконец.

— Который венок прислал?

— Который принёс.

— Да, — сразу согласился Павел. — Извиняться начал заранее.

Михаил повернул голову.

— Что?

— Он ещё вас не увидел, а уже прощения просил. Я слышал из кухни.

— Неловкая доставка.

— А если бы покойник был настоящий? Всё равно извиняться?

Михаил не ответил.

— И ещё, — продолжил Павел. — Он вашу фамилию знал. А на бумажке её не было.

Лошадь замедлила шаг перед гружёной телегой.

Михаил оглянулся.

Позади тянулась утренняя улица. Женщина выметала сор из дверей, у водосточной трубы двое мальчишек делили что-то завёрнутое в газету.

Посыльного нигде не было видно.

— Надо было записать его приметы, — сказал Михаил.

Павел порылся в кармане.

Достал карандаш, обломок сургуча, пуговицу.

— Бумаги нет. В папке, наверное, найдётся?

Он потянулся к саквояжу.

Но извозчик как раз свернул, колёса загрохотали, и Михаил положил ладонь на ремень.

— Потом. Сейчас вы всё рассыплете.

Павел убрал карандаш.

Через несколько минут они уже спешили к поезду, и о бумаге больше никто не вспомнил.

А в оставленной квартире Аграфена Семёновна закрыла дверь и прошла в комнату жильца.

На подоконнике лежала тетрадь.

Она осторожно приподняла стеклянный пресс.

— Вот ведь голова, — сказала хозяйка без сердитости.

Между страницами виднелись наклеенные подписи. Одна была обведена карандашом дважды.

Аграфена Семёновна ничего в ней не разобрала.

Она закрыла тетрадь, убрала в ящик письменного стола и задвинула его.

До Режа Михаил Андреевич доберётся с деньгами, оружием, запасной рубашкой и щёткой для сюртука.

Единственную вещь, которую он собирался взять из-за письма Анны Петровны, он оставил дома.

Глава третья. Дама под чёрным покрывалом.

Поезд ушёл без них.

Павел стоял на перроне, держа каравай обеими руками, и смотрел вслед последнему вагону с таким выражением, будто тот унёс его близкого родственника.

— Недолго же нас ждали, — сказал он.

Михаил достал часы, сверил их со станционными и убрал.

— Нас не обязаны были ждать.

— Я не обвиняю. Я огорчаюсь.

Носильщик опустил саквояж у скамьи.

— Следующим поедете.

Он произнёс это без малейшего участия, но Павел отчего-то ободрился.

— Вот. Человек знает положение.

Михаил расплатился, взял вещи и направился узнавать об отправлении следующего поезда.

Когда он вернулся, Павел уже сидел на скамье рядом с пожилой дамой.

Между ними стояла большая клетка под чёрным покрывалом.

Хлеб лежал у Павла на коленях.

Дама держала маленькую дорожную сумку, обхватив её пальцами в светлых перчатках. Платье на ней было тёмное, без украшений; возле воротника тускло поблёскивала овальная брошь.

— Михаил Андреевич, — сказал Павел, — познакомьтесь. Софья Карловна. Тоже не уехала.

Дама слегка склонила голову.

— Ваш спутник был так любезен, что уступил мне место.

На длинной скамье, кроме них, никто не сидел.

— Павел Сергеевич умеет быть предусмотрительным, — ответил Михаил.

— Иногда заранее, — подтвердил Павел.

Софья Карловна улыбнулась.

— Вам далеко?

— В Екатеринбург.

— Какая удача. И мне.

Под покрывалом что-то скребнуло.

Павел осторожно отодвинул каравай.

— Я хотел спросить, но Михаил Андреевич учит меня не начинать знакомства с нескромности.

— Это попугай, — сказала дама.

— Большой?

— С характером.

— Значит, большой.

Она улыбнулась снова, теперь заметнее.

Михаил поставил саквояж у ног.

— Птица хорошо переносит дорогу?

— Лучше меня. Я, к сожалению, не могу накинуть на себя покрывало и сделать вид, что всё это меня не касается.

Из клетки донёсся короткий сухой стук.

Софья Карловна тут же положила ладонь на ткань.

Стук прекратился.

— Он ручной? — спросил Павел.

— Был. При муже.

Она посмотрела на брошь.

Михаил заметил в ней прядь седых волос под стеклом и больше о птице не спрашивал.

Но Софья Карловна продолжила сама:

— Муж умер прошлой зимой. С тех пор попугай почти не подаёт голоса. Прежде говорил без умолку. Теперь только стучит клювом, когда сердится.

— Значит, помнит, — тихо сказал Павел.

Дама посмотрела на него чуть внимательнее.

— Возможно.

Некоторое время они сидели молча.

По перрону прошла девочка с корзиной. За ней, соблюдая почтительное расстояние, двигалась собака с обрывком верёвки на шее.

Павел отломил кусочек хлеба.

— Не приучайте, — сказала Софья Карловна.

Он уже протянул руку, но остановился.

— Почему?

— Она побежит за вами к вагону. А потом останется ждать.

Павел посмотрел на собаку.

Та села.

Хвост осторожно прошёлся по доскам.

— Я сам к ней подойду, — решил он. — Пусть думает, что это я побираюсь.

Михаил впервые за утро улыбнулся.

До следующего отправления оставалось достаточно времени, чтобы Павел успел проголодаться, поесть и начать беспокоиться, хватит ли хлеба до Екатеринбурга.

Михаил купил бумаги, записал приметы посыльного и сложил лист в бумажник.

Софья Карловна отлучилась ненадолго. Клетку она попросила не трогать.

— Даже если начнёт жаловаться, — добавила она.

— А он может?

— Когда-то умел.

Вернулась дама с железнодорожным служащим. Тот нёс её чемодан и объяснял что-то вполголоса.

Михаил расслышал только последние слова:

—…у окна, как просили.

Софья Карловна поблагодарила его и повернулась к новым знакомым:

— Мне обещали найти место, где птицу не будет продувать. Может быть, окажемся рядом.

Так и получилось.

Клетку устроили возле окна. Софья Карловна села рядом, Михаил — напротив. Павел поместил хлеб на полку и дважды убедился, что его не придавят чужими вещами.

Когда поезд тронулся, дама закрыла глаза.

Её пальцы лежали на сумке неподвижно.

Только у поворота, когда клетка едва заметно качнулась, она придержала её, не открывая глаз.

За стеклом поплыли крыши, заборы, огороды. Мальчик в расстёгнутой рубахе бежал вдоль полотна, пока хватало дыхания. Потом остановился, упёр руки в колени и остался позади.

Павел проводил его взглядом.

— Всегда завидовал.

— Чему? — спросил Михаил.

— Ему никуда не нужно. Побежал, остановился. А мы теперь обязаны доехать.

— Вы сами просились.

— Потому и говорю: завидовал, а не раскаиваюсь.

Софья Карловна открыла глаза.

— У вас весёлый помощник.

— В дороге особенно, — сказал Михаил.

— Дома меня отвлекают обязанности, — объяснил Павел.

Дама поправила край покрывала.

Михаил увидел тонкую белую царапину на её перчатке, возле большого пальца.

Из-под ткани показался медный прут и тотчас исчез.

— Вы служите? — спросила Софья Карловна.

— Занимаюсь переводами.

— Художественными?

— Преимущественно судебными.

— Трудная работа.

— Смотря кто говорит.

— Разве переводчик должен судить говорящего?

— Нет. Но ему полезно знать, когда человек не понимает собственных слов.

Дама некоторое время смотрела на него.

Потом сказала:

— Наверное, это часто случается.

— Чаще, чем хотелось бы.

Павел хотел что-то добавить, но поезд качнуло, и он схватился за полку.

Каравай остался на месте.

Разговор закончился.

К вечеру вагон наполнился дорожной усталостью.

Долго кашлявший пассажир наконец уснул. У молодой женщины напротив прохода ребёнок перестал плакать и теперь сосредоточенно жевал угол платка.

За окном лежала ровная зелёная даль. Изредка между деревьями блестела вода.

Павел развернул хлеб.

Софья Карловна отказалась, но после второго предложения взяла маленький ломоть.

— Матушкин, — сообщил Павел. — С тмином. Она говорит, в дороге живот успокаивает.

Михаил отломил корочку.

Под полотенцем хлеб сохранил запах печи. Тмин попадался редко, и оттого каждый раз ощущался неожиданно сильно.

Они ели молча.

Потом Софья Карловна достала из сумки свёрток с сушёными яблоками.

Павел воспринял это как начало полноценного ужина.

— Теперь можно и до утра, — сказал он.

Дама не ответила.

Она смотрела на сложенную газету, которую Михаил вынул вместе с письмом Зориной.

Само письмо оставалось в конверте.

Михаил заметил её взгляд и убрал конверт обратно.

— Работа едет с вами? — спросила она.

— От неё трудно отделаться.

— А я думала, вы возвращаетесь домой.

— Нет. Еду к заказчице.

— Надеюсь, она умеет ждать.

— Вы с ней незнакомы, а уже ей сочувствуете.

Софья Карловна опустила глаза.

— Женщины, которым приходится вызывать постороннего человека ради семейных бумаг, редко делают это от хорошей жизни.

Это было разумное замечание.

И всё же Михаил не припомнил, чтобы говорил ей о семейных бумагах.

Он подождал.

Дама аккуратно собрала яблочную кожуру с коленей.

— Мой муж оставил после себя целый шкаф писем, — сказала она. — Я до сих пор не могу за них приняться.

Михаил почувствовал неловкость из-за собственного подозрения.

Он отвернулся к окну.

В стекле отражалась клетка.

Рука Софьи Карловны лежала на покрывале.

Большой палец медленно гладил ткань — туда и обратно.

Павел задремал, придерживая шапку на животе.

За проходом тихонько звякнула ложечка.

День незаметно кончился.

В вагоне зажгли свет. Теперь за окнами было видно только собственные отражения, а всё, что находилось снаружи, угадывалось по редким огням и перемене стука колёс.

Михаил закрыл глаза.

Он не спал. Левая кисть ныла, и он устроил руку поверх саквояжа, стараясь не сгибать запястье.

Послышался шорох.

Потом — едва различимый двойной стук.

Словно ногтем коснулись тонкого металлического прута.

— Не Анна.

Михаил открыл глаза.

Голос был невысокий, хрипловатый, но слова прозвучали отчётливо.

— Другая.

Софья Карловна сидела прямо.

Её ладонь сжимала край покрывала.

Несколько мгновений никто не двигался.

Потом Павел приподнял голову.

— Что?
— Птица, — сказала дама.
Она произнесла это шёпотом.
Михаил посмотрел на клетку.
— Я понял.
Софья Карловна провела пальцами по лбу.
— Простите. Я не ожидала. Столько месяцев…
Павел сел ровнее.
— Он заговорил?
— Иногда они повторяют старое. Совсем неожиданно.
— Вы сказали, он молчит после смерти мужа, — заметил Михаил.
— Почти молчит.
Она подняла глаза.
— Я сказала: почти.
Это было верно. Михаил помнил.
— Чей это голос?
Софья Карловна посмотрела на него с удивлением.
— Разумеется, мужа.
— Он часто произносил эту фразу?
— Откуда же мне знать, что он говорил птице, когда меня не было дома?
В её тоне впервые появилась резкость.
Михаил склонил голову.
— Простите.
Она отвернулась.
Павел осторожно посмотрел сначала на неё, потом на Михаила.
Больше никто ничего не сказал.
Поезд шёл через темноту.
На следующей остановке Софья Карловна вышла за горячей водой.
Клетку она оставила.
Павел дождался, когда её шаги стихнут.
— Вы тоже слышали?
— «Не Анна. Другая».
— Я только конец. Спросонья.
Михаил кивнул.
Павел посмотрел на чёрное покрывало.
— А он понимает, что говорит?
— Вероятно, повторяет звук.
— Значит, может и неправду сказать.
— Он вообще ничего не утверждает. Мы сами придаём смысл услышанному.
Павел подумал.
— Удобно.
— Для кого?
— Не знаю пока.
Михаил повернулся к нему.
Помощник уже смотрел в окно.

На освещённом участке перрона стояла Софья Карловна. Железная кружка была у неё в руке.

Перед нею находился мужчина в коротком дорожном пальто.
Он что-то сказал.

Дама отрицательно качнула головой.

Мужчина повторил — быстро, наклонившись ближе.

Софья Карловна оглянулась на вагон.

Михаил не отодвинулся от стекла.

Мужчина заметил его и тотчас снял шапку, будто прощаясь.

Через минуту дама вернулась.

От кружки поднимался пар.

— Помогли набрать? — спросил Михаил.

— Что?

— Ваш знакомый.

Она поставила кружку.

— Служащий. Спросил, не нужна ли помощь.

Павел молча потянулся за хлебом.

Софья Карловна села и поправила юбку.

— Вы всё замечаете, Михаил Андреевич.

— Далеко не всё.

Он сказал это спокойно.

Мужчина на перроне держал в руке собственный билет и дорожный узел. Впрочем, это ещё ничего не значило.

Ничего не значили и её торопливое возвращение, и перчатка с царапиной, и место у окна, заранее приготовленное для клетки.

Михаил слишком хорошо знал опасность подобных цепочек: стоит захотеть увидеть замысел — и любая мелочь охотно занимает в нём своё место.

Он достал листок с приметами посыльного.

Ниже добавил несколько строк.

Потом задержал карандаш над бумагой.

Софья Карловна смотрела в другую сторону.

Михаил записал дословно:

«Не Анна. Другая».

И поставил вопросительный знак.

В полночь поезд остановился на разъезде.

Стук колёс оборвался так резко, что Павел открыл глаза.

— Прибыли?

— Разъезд. — Михаил посмотрел на часы. — Постоим четверть часа.

За окном было чёрно. Далеко мигал семафор.

Потом послышались шаги.

Не по коридору — по обшивке, снаружи. Кто-то переходил от вагона к вагону по площадкам.

Шаги остановились у их окна.

Михаил не поднялся. В стекле отражались клетка, полка и их собственные лица. В отражении не было никого.

Послышалось шуршание коробка.

За матовым стеклом тамбурной двери блеснул огонёк. Спичку держали левой рукой. Правая не шевельнулась.

Огонёк потёк вниз и погас.

— Птицу вашу я слышал, — проговорили сквозь дверь вполголоса. — Берегите.

Шаги сошли на гравий. Поезд дёрнулся, покатился и набрал ход.

Павел вышел в тамбур и вернулся через минуту.

— Никого. Только вот.

Он положил на стол обгоревшую спичку.

Софья Карловна не спала. Она сидела прямо и смотрела на клетку.

— Он не стучал, — сказала она.

— Кто? — спросил Павел.

— Жако. Когда у клетки кто-нибудь посторонний, он всегда стучит клювом. Всю дорогу — на проводника, на машиниста, на Господа Бога. А сейчас молчал.

— Может, уснул.

— Нет. Я слышала, как он переступил по жёрдочке. Он проснулся. И молчал.

— От постороннего голоса он молчит?

— Впервые.

— Возможно, голос ему знаком, — сказал Михаил.

Дама положила ладонь на покрывало и больше не сказала ни слова.

Павел вертел спичку в пальцах.

— «Берегите», — повторил он. — Хороший тон. Обычно в тамбуре кричат «стой».

— Он сказал «птицу вашу», — заметил Михаил. — Возможно, видел её на перроне.

Он вынул листок с приметами посыльного и добавил строку:

«Знает о птице. Говорил через закрытую дверь. Спичка в левой руке».

Глава четвёртая. Чужой ключ.

К утру Софья Карловна стала почти незаметной.

Она не задавала вопросов, не поправляла покрывало на клетке и так неподвижно держала руки на коленях, что Михаил несколько раз невольно проверял, не спит ли она.

Но дама не спала.

За окном светало. На стекле дрожала капля, упрямо державшаяся вопреки движению поезда.

Павел проснулся, посмотрел на неё и сказал:

— Всё-таки дома удобнее.

— Уже раскаиваетесь?

— Нет. Сравниваю.

Он потянулся за караваем, но передумал.

— Что-то случилось? — спросил Михаил.

— Хочется горячего. Хлеб прекрасен, но разговор у нас с ним с утра не складывается.

Софья Карловна улыбнулась, не открывая рта.

На её коленях лежала светлая перчатка. Вторая рука была спрятана под сумкой.

Михаил отвернулся к окну.

Он решил больше не расспрашивать даму. Пока всё сводилось к нескольким странностям, каждая из которых допускала самое обыкновенное объяснение.

В Екатеринбурге Софья Карловна попрощалась с ними поспешнее, чем следовало ожидать после совместной дороги.

— За мной приедут, — сказала она. — Пожалуйста, не беспокойтесь.

Павел уже подхватил клетку.

— Я хотя бы донесу.

— Нет.

Он остановился.

Дама сама взялась за дужку.

— Благодарю. Птица пугается чужих рук.

Клетка была тяжёлая. Михаил увидел, как напряглась её кисть, и шагнул ближе, но Софья Карловна уже отвернулась.

У выхода её встретил невысокий человек в пыльных сапогах.

Он молча взял чемодан. К клетке не прикоснулся.

Через несколько мгновений их поглотила толпа.

Павел постоял, глядя им вслед.

— Даже птица не простилась.

— Вы ожидали?

— После того, как она ночью всех разбудила, могла бы и пожелать доброго утра.

Он поднял каравай.

— Куда теперь?

Михаил назвал постоялый двор, который ему рекомендовали перед отъездом.

— Поедим, умоемся. Узнаем насчёт лошадей.

— Порядок одобряю, — сказал Павел. — Особенно начало.

На постоялом дворе пахло овсом, мокрой кожей и жареным луком.

Под навесом стояли повозки. Мальчишка в длинном фартуке поливал из ковша землю перед крыльцом, стараясь не попасть на сапоги человеку, который именно туда и переступал.

Из кухни выбежала пёстрая курица с луковой шелухой в клюве.

— Положи! — крикнул ей кто-то.

Курица прибавила шагу.

Павел проводил её уважительным взглядом.

— Здесь кормят решительно.

Хозяин оказался плотным, неторопливым человеком с седыми висками и маленькими руками. Гостей он сначала выслушал, потом записал и только после этого посмотрел на их вещи.

— До Режевского завода? Можно устроить. Сегодня отдохнёте, завтра поутру отправитесь.

— Сегодня нельзя? — спросил Михаил.

— Можно и сегодня. Только лошадь будет уставшая, возница сердитый, а приедете ночью. Утром всё то же самое покажется дешевле и приятнее.

Павел одобрительно кивнул.

Им отвели комнату наверху.

В ней было две кровати, умывальник с отбитым краем и окно во двор. Возле печи стоял стул, на котором кто-то вырезал ножом букву, так и не решив, какую именно.

Михаил поставил саквояж у своей кровати.

Павел положил на другую хлеб, снял фуражку и прислушался.

Снизу звякала посуда.

— Нужно идти, — сказал он.

— Вы даже не умылись.

— Чтобы есть, лицо должно быть чистое, а не счастливое. Я быстро.

Он плеснул воды так щедро, что Михаилу пришлось отодвинуть саквояж.

Кожаная папка выскользнула из-под ремня.

Михаил поднял её и положил на стол.

Из коридора постучали.

Мальчишка в фартуке принёс полотенца и сообщил, что обед подан.

Павел уже стоял у двери.

Папка осталась закрытой.

Внизу им поставили щи, густые, с мягкой капустой и кусками говядины. Сметану принесли отдельно. От миски поднимался пар, и Павел некоторое время просто держал над ним ложку.

— Что вы делаете? — спросил Михаил.

— Привыкаю к хорошему.

За соседним столом двое купцов спорили о цене на кожу. В углу человек в дорожной поддёвке дремал над пустым стаканом.

К концу обеда усталость, которую Михаил до сих пор почти не замечал, навалилась разом.

На мгновение ему захотелось отказаться от всей поездки: отправить Зориной вежливое объяснение, вернуться к своим книгам, к утренней гимнастике, к знакомому двору.

Но он вспомнил её последнюю телеграмму.

«Только приезжайте».

— После обеда надо отправить весточку, — сказал он.

Павел кивнул.

— Чтобы нас встретили?

— Чтобы знали, когда ждать.

— Тогда напишите, что мы завтракаем перед выездом. А то начнут торопить.

Из передней донёсся раздражённый мужской голос:

— Я вам говорю, это не мой!

Хозяин ответил вполголоса.

Михаил продолжал есть.

— Не мой, — повторил голос громче. — У моего замок заедает. Этот открывается!

Павел поднял глаза.

На пороге стоял худощавый господин с аккуратной бородкой. В руке он держал саквояж.

Тёмная кожа. Потёртая ручка. Медный замок.

Михаил положил ложку.

Саквояж был очень похож на его собственный.

— Который из вас Веденин? — спросил господин.

— Я.

— Извольте объяснить, отчего мои вещи находятся у вас.

В столовой стало тише.

Человек в углу открыл глаза.

Михаил встал.

— Какие именно вещи?

— Пока не могу знать. Мне принесли чужой саквояж. Ваш, как сообщает хозяин. Следовательно, мой оказался у вас.

— Из одного не следует другое.

— Для переводчика вы удивительно придирчивы к словам.

Михаил посмотрел на него внимательнее.

— Мы знакомы?

Господин замялся лишь на мгновение.

— В книге записано. Я спросил у хозяина.

Тот кивнул.

— Недоразумение вышло, Михаил Андреевич. Мальчишка перепутал. Сейчас разберём.

Павел поднялся.

— У нас саквояж был наверху.

— А мой должен быть внизу, — отрезал незнакомец. — Однако же вот.

Он поставил ношу на свободный стол.

На ручке висел узкий кожаный ремешок. Михаил сам закрепил его прошлой осенью, когда разошёлся шов.

— Этот мой, — сказал он. — Кто принёс его из комнаты?

Хозяин обернулся к мальчишке.

Тот побледнел.

— Велели забрать.

— Кто велел?

— Господин. Сказал, его вещь наверх по ошибке унесли.

Бородатый господин раздражённо вздохнул.

— Потому что так мне и объяснили!

— Кто? — спросил Михаил.

— Да разве я записываю каждого, с кем разговариваю?

Хозяин провёл ладонью по лицу.

— Давайте второй сюда.

Второй саквояж нашёлся у конторки.

Теперь, стоя рядом, они казались менее похожими. У чужого кожа была светлее возле углов, а на боковой стенке виднелась неглубокая царапина.

Павел наклонился.

— И запах другой.

Незнакомец отступил на полшага.

— Что вы имеете в виду?

— У вашего лекарствами пахнет.

— Я везу лекарства.

— Так я и говорю.

Михаил повернул свой саквояж замком к себе.

— Вы его открывали?

— Разумеется. Мой ключ подошёл.

Господин показал маленький ключ на цепочке.

— У этих замков половина ключей подходит, — заметил хозяин. — От честных людей запирают.

— Я убедился, что вещи чужие, и немедленно потребовал объяснения, — сказал незнакомец.

— Как вас зовут?

— Аркадий Семёнович Ланской.

Михаил вынул собственный ключ.

Замок открылся легко.

Сверху лежала рубашка.

Под ней — несессер, свёрток с бельём, коробка.

И конверт.

Михаил не взял его сразу.

Он смотрел на светлую бумагу, лежавшую поверх его вещей, и постепенно переставал слышать столовую.

На конверте было написано:

«Анне Петровне Зориной. Лично».

— Это ваше? — спросил Ланской.

Михаил поднял голову.

— Нет.

Павел перестал переминаться с ноги на ногу.

— Мы этого не клали.

Хозяин подался вперёд.

— Ах вот оно что. Письмо.

— Вы знаете, откуда оно?

— Утром приносили. Спрашивали, нет ли оказии в Режевской завод. Я велел возле книги положить. Да оно там и лежало.

Он посмотрел на конторку.

Между раскрытой книгой и чернильницей белела пустая полоска стола.

— А теперь здесь, — сказал Михаил.

Мальчишка затряс головой.

— Я не брал.

— Никто пока не говорит, что ты брал.

Павел повернулся к Ланскому.

— Когда вы открыли саквояж, письмо уже было внутри?

— Не помню.

— Вы же вещи рассматривали.

— Молодой человек, я искал свои вещи, а не ваши письма.

Михаил осторожно вынул конверт за край.

Конверт был запечатан тёмным сургучом. Оттиск смазался: можно было различить только часть ободка.

— Кто принёс? — спросил он хозяина.

— Мужчина. Не здешний, по виду.

— Возраст?

— Лет сорока. Может, старше. Картуз, пальто.

— Сказал, от кого?

— Нет. Только чтобы лично. Я ответил, что без платы ничего не обещаю. Он оставил деньги.

— И вы взяли?

Хозяин посмотрел на него почти обиженно.

— За хлопоты. Письмо-то не казённое.

Ланской закрыл свой саквояж.

— Надеюсь, теперь всё разрешилось?

— Пока нет, — ответил Михаил.

Тот выпрямился.

— Вы меня в чём-то подозреваете?

— Я пытаюсь понять, кто распоряжался моими вещами.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга.

Потом Ланской поклонился.

— В таком случае желаю вам успеха.

Он взял саквояж и вышел.

Михаил не стал его останавливать.

На столе перед ним лежало письмо женщине, к которой он ехал.

Письмо, появившееся среди его вещей в комнате, которую он считал запертой.

Наверху Павел первым подошёл к двери.

Осмотрел замочную скважину, потом ключ в руке Михаила.

— От честных людей, — повторил он.

Михаил вошёл.

Папка лежала на столе. Каравай — на кровати. На первый взгляд, всё было на своих местах.

Он проверил деньги и оружие.

Всё оставалось на месте.

Павел сел на край кровати.

— Повезём?

Михаил посмотрел на конверт.

— Пока да.

— А если там неприятность?

— Она уже здесь.

Павел помолчал.

Во дворе запрягали лошадь. Кто-то долго, с уговором, звал Митьку. Нельзя было понять, человека звали или животное.

Михаил убрал письмо во внутренний карман.

— Аркадий Семёнович слишком торопился открыть саквояж при всех, — сказал он. — Однако именно его мы подозреваем первым. Было бы довольно глупо…

— А он разве торопился?

Михаил обернулся.

Павел разглаживал полотенце на хлебе.

— Он же принёс его уже открытым. Мог оставить у хозяина и забрать свой. Но дождался, пока вы сами откроете ещё раз.

— Чтобы мы увидели письмо вместе?

— Купцы увидели. Хозяин. Тот, который спал, тоже проснулся.

Михаил подошёл к окну.

Из ворот выезжала повозка.

Ланской сидел боком, прижимая к коленям саквояж. У ворот он что-то сказал вознице, и тот придержал лошадь.

Господин поднял голову.

Михаил стоял чуть в стороне от окна, за выцветшей занавеской.

Снизу его не было видно.

Ланской смотрел на их комнату несколько секунд.

Затем повозка тронулась.

— Паша, — сказал Михаил.

— Да?

— Хлеб оставьте. Нужно кое-что узнать внизу.

Павел встал сразу.

На этот раз он не спросил, надолго ли.

Глава пятая. Плата за хлопоты.

Внизу хозяин пересчитывал ложки.

Он выкладывал их на полотенце, по одной, и всякий раз проводил большим пальцем по черенку, словно проверял не столько серебро, сколько собственное спокойствие.

При виде Михаила он накрыл ложки краем полотенца.

— Нашлось что-нибудь пропавшее?

— Пока ищем лишнее.

Хозяин вздохнул.

— Я мальчишку допросил. Письма он не касался.

— Позвольте мне с ним поговорить.

— Да он вам то же самое скажет.

— Тогда разговор будет коротким.

Из кухни позвали Митьку.

Михаил обернулся к Павлу. Тот чуть заметно кивнул: по крайней мере, одно утреннее недоразумение разрешилось. Митька оказался человеком.

Мальчик вышел, вытирая руки о фартук. На щеке у него белела мука.

— Сколько тебе лет? — спросил Михаил.

— Четырнадцатый.

— Саквояж господину Ланскому ты отдал?

— Я.

— Он сам попросил?

Митька посмотрел на хозяина.

— Ты отвечай господину, — сказал тот. — Как было, так и отвечай.

Мальчик ещё сильнее растёр муку на щеке.

— Не он попросил. Другой.

Михаил подвинул к нему стул.

— Сядь.

— Мне нельзя.

— Это отчего? — спросил Павел.

— Я на службе.

Павел посмотрел на хозяина, но промолчал.

— Хорошо, постоим, — сказал Михаил. — Кто попросил принести саквояж?

— Господин у лестницы. Сказал: в угловой комнате чужую вещь оставили, нужно снести. Я и снёс.

— Ты его раньше видел?

— Нет.

— Какой он был?

Митька задумался.

— В пальто.

— Это мы уже, кажется, встречали, — тихо заметил Павел.

— Пальто какое? — продолжил Михаил.

— Серое. А рука… — Мальчик замолчал.

— Что рука?

— Не брал он ничего правой. Показывал левой.

Хозяин нахмурился.

— Какой ещё господин? Мне ты про руку не говорил.

Митька втянул голову в плечи.

— Вы не спрашивали.

Михаил положил ладонь на край стола.

— Правую руку он прятал?

— Вроде того. Под полой держал. Может, болела.

— А лицо?

— Усы. Светлые. А на подбородке тряпочка, будто порезался.

— Что-нибудь дал тебе?

Мальчик покраснел.

Хозяин откинул полотенце с ложек, потом снова накрыл.

— Дал? — переспросил он.

— Пятак.

— За что?

Митька посмотрел на него с искренним недоумением.

— Чтобы снёс.

Павел отвернулся к окну.

Михаил удержал улыбку.

— Деньги у тебя?

Мальчик полез в карман и достал монету.

Михаил взглянул на неё, не прикасаясь.

Обыкновенный пятак. Ни тайных знаков, ни следов крови. Деньги вообще редко выглядели сообразно той роли, которую играли в чужих неприятностях.

— Убери. Ты заработал их не за молчание.

Митька сжал монету.

— Я могу вернуть.

— Пока не нужно.

Хозяин открыл рот, но Михаил опередил его:

— Саквояж ты отнёс прямо господину Ланскому?

— Поставил у конторки. Он там стоял.

— Открывал?

— Я? Да что вы!

— А он?

— Не видел. Я за тарелками ходил.

Михаил кивнул.

— Благодарю. Если вспомнишь ещё что-нибудь, подойди ко мне. Даже если покажется пустяком.

Митька посмотрел на хозяина.

— Подойдёшь, — нехотя разрешил тот.

Мальчик исчез на кухне.

Некоторое время слышно было только, как за стеной скребут ножом деревянную доску.

— Человек с больной рукой, — сказал хозяин. — Не припомню такого.

— А письмо утром кто принёс?

— Я же описывал.

— Тоже с заклеенным подбородком?

Хозяин задумался.

— Нет. Кажется, нет.

— Значит, вы не уверены.

— Милостивый государь, ко мне за день столько народу входит, что если каждого запоминать, на хозяйство памяти не останется.

— Деньги за доставку письма где?

Хозяин посмотрел на него настороженно.

— В кассе.

— Сколько оставили?

— Двадцать копеек.

— Почему именно столько?

— Сошлись.

— Сначала предлагали меньше?

— Он десять предлагал.

Павел повернулся от окна.

— За письмо или за хлопоты?

— За всё.

— Хлопоты оказались настоящие, — сказал Павел. — Тут вам уступать не следовало.

Хозяин не понял, издеваются над ним или сочувствуют, и на всякий случай промолчал.

Человек в дорожной поддёвке по-прежнему сидел в углу.

Перед ним теперь стоял полный стакан. Он пил маленькими глотками, держа блюдце в ладони.

Когда Михаил приблизился, человек поднял глаза.

Лицо у него было усталое, с красной полосой на лбу — должно быть, от тесной фуражки.

— Позвольте спросить, вы давно здесь сидите?

— С обеда.

— Видели господина с саквояжем?

— Все видели.

— А до того, как он вошёл в столовую?

Человек поставил блюдце.

— Вы из полиции?

— Нет.

— Тогда позвольте и мне спросить: зачем вам это?

Михаил достал карточку и положил на стол.

Незнакомец прочёл, но в руки не взял.

— Веденин. Переводчик.

— Именно.

— Я Сухарев. Торгую скобяным товаром. Если хотите узнать моё мнение о замках, мнение плохое.

Павел присел на соседний стул.

— После сегодняшнего наше тоже изменилось.

Сухарев посмотрел на него и немного смягчился.

— Видел я вашего господина. Стоял у конторки, саквояж открывал. Потом закрыл и сюда пошёл.

— Письмо у него в руках было?

— Не заметил.

— Кто-нибудь подходил?

— Мальчишка. Ещё тот, что с рукой.

Михаил и Павел переглянулись.

— Вы его хорошо рассмотрели?

— Не особенно. Мне он боком стоял. Правую руку берёг.

— Они разговаривали?

— Коротко. Господин с бородкой что-то спросил. Тот показал на лестницу и ушёл.

Сухарев помолчал.

— Вы на хозяина зря сердитесь.

— Отчего же?

— Тут человек уверенно скажет — ему и поверят. Позовёт мальчишку так, будто двадцать лет его кормит, возьмёт ключ, кивнёт. Никому в голову не придёт спросить, кто такой.

— А вы бы спросили?

Сухарев хмыкнул.

— Нет. Я бы тоже поверил.

Он допил чай и протянул Михаилу карточку.

— Потому и говорю.

У конторки хозяин уже принимал новую постоялицу. Она требовала комнату, в которой не курили, не шумели и не было сквозняка.

— Такая есть, — сказал хозяин. — Только окна во двор.

— А во дворе тихо?

За стеной заржала лошадь.

Хозяин выждал.

— По большей части.

Михаил вернулся к лестнице.

Человека, который берёг правую руку, видели двое. Но ни имени его, ни точных примет Михаил пока не знал.

Зато письмо теперь было у Михаила.

И это знали все.

Он остановился на первой ступеньке.

— Паша, вы правы.

— В чём именно?

— Письмо должны были увидеть.

Павел подумал.

— Можно было просто вручить вам.

— Можно.

— Значит, важно, чтобы вы сперва сказали: оно не моё.

Михаил медленно повернулся.

Помощник смотрел на него без торжества. Скорее с беспокойством.

— Я ведь тоже сказал, — добавил он. — Что мы его не клали.

Из столовой донёсся звон упавшей ложки.

— И чтобы мы всё-таки его повезли, — произнёс Михаил.

Он вынул конверт.

Бумага была плотная, чуть шероховатая. Имя Зориной написано старательно, с нажимом. Нижняя черта в слове «лично» уходила далеко вправо.

Почерк казался знакомым.

Не весь — только движение пера в конце строки.

Михаил нахмурился.

— Что там? — спросил Павел.

— Не знаю.

Он убрал письмо.

— Пока не знаю.

После полудня воздух в комнате стал тяжёлым.

Павел распахнул окно. Во дворе сушили попоны; от них пахло лошадью и нагретой шерстью. У стены стояло корыто, над которым кружились мухи.

Михаил сел за стол и составил телеграмму Зориной.

Сначала написал, что приедет завтра. Затем подумал и исправил: «Выезжаю завтра утром».

Обещать прибытие, не зная дороги, было неразумно.

Павел прочёл через плечо.

— Про завтрак забыли.

— Это личные сведения.

— Тогда правильно. Посторонним незачем знать наши слабости.

Михаил передал ему лист и деньги.

— Отнесите сами. На обратном пути узнайте у хозяина о вознице. Имя, цену и время выезда.

— А письмо?

— Останется у меня.

— Я не об этом. Мы его не вскроем?

Михаил посмотрел на внутренний карман сюртука, висевшего на спинке стула.

— Оно адресовано не нам.

— А если нас затем и выбрали, что вы чужого не читаете?

В комнате стало тихо.

Павел смутился.

— Это я не к тому, чтобы читать. Просто неудобно получается.

— Очень.

Михаил взял сюртук и надел.

— Печать цела. Мы доставим письмо лично и попросим Анну Петровну вскрыть его при нас.

Павел кивнул, но у двери задержался.

— Пока меня не будет, вы хоть поспите.

— Постараюсь.

— Это не обещание. Вы так же говорите, когда я прошу прибавить жалованье.

— И всякий раз рассматриваю просьбу внимательно.

— Вот от этого я и тревожусь.

Дверь закрылась.

Михаил остался один.

Некоторое время он сидел, прислушиваясь к дому. Потом снял сапоги и лёг поверх покрывала.

Сон не приходил.

Перед глазами стоял посыльный с венком. За ним — светлая перчатка на чёрной ткани. Затем Ланской, в раздражении выставивший на стол чужой саквояж.

Михаил сел.

Он ещё раз достал конверт, положил рядом с письмом Зориной.

Почерки были разные.

Слишком очевидно разные, чтобы стоило сравнивать.

Но он сравнил.

На письме Анны Петровны линии ложились ровно, уверенно. На подброшенном конверте буквы теснились, будто писавший старался поместить каждую в заранее отведённое пространство.

Адрес можно было переписать с образца.

Последний росчерк, вероятно, делался по привычке.

Михаил провёл пальцем над бумагой, не касаясь.

Где-то он уже видел такой крючок.

Внизу, у выносной черты.

Нужно было вспомнить не фамилию даже, а стол, за которым лежал документ. Кто сидел напротив. О чём шёл разговор.

Он закрыл глаза.

В памяти возникла женщина в коричневом платье.

Белова.

Но следом не пришло ничего.

Только ощущение досады, знакомое по тому делу: человек говорил правду, однако каждый ответ делал его положение хуже.

Михаил сложил письма.

За окном Митька спорил с кухаркой.

— Я не ел.

— А рот чего вытираешь?

— Запылился.

Михаил невольно улыбнулся.

Потом в дверь постучали.

На пороге стоял тот же Митька.

Теперь муки на щеке не было. Зато волосы спереди оказались мокрыми и торчали небольшим гребнем.

— Можно?

— Входи.

Мальчик прикрыл дверь, но остался возле неё.

— Вы велели, если вспомню.

— Слушаю.

— Господин тот… который руку прятал. Он не сразу про саквояж спросил.

Михаил отодвинул стул.

— А за что?

— За ваших спутников.

— Каких спутников?

— Я сказал, что вас двое. А он спросил, не приехала ли с вами пожилая госпожа.

Михаил почувствовал, как затекла левая кисть.

Он осторожно разогнул пальцы.

— Ещё что-нибудь?

Митька кивнул.

— Птицу спросил. Не принесли ли птицу в клетке.

— И ты ответил?

— Что не принесли. У нас птиц в комнаты не пускают.

— Почему ты раньше не сказал?

Мальчик опустил глаза.

— Думал, не про дело. Она же не приехала.

Михаил встал и подошёл к нему.

— Ты правильно сделал, что вернулся.

Митька выдохнул.

Внизу хлопнула дверь, кто-то тяжело прошёл по лестнице, и мальчик поспешно оглянулся.

— Это не хозяин, — сказал Михаил.

— Я не боюсь.

— Хорошо.

— Вы ему только про пятак больше не говорите.

— Не буду.

Мальчик уже взялся за ручку, когда Михаил спросил:

— Подожди. Как он назвал госпожу?

— Никак.

— Вспомни точно.

Митька наморщил лоб.

— Спросил: не приехала ли вдова с птицей?

— Именно вдова?

— Да.

Михаил кивнул.

Мальчик вышел.

За окном скрипел колодезный ворот. В коридоре спорили о чистых простынях. Обыкновенный дом жил обыкновенными заботами, не имеющими никакого отношения ни к французским письмам, ни к чужой смерти.

Михаил подошёл к столу.

На листке, где были записаны приметы посыльного, он отвёл новую строку:

«Кого ждали на постоялом дворе: меня или Софью Карловну?»

Подумал и зачеркнул последнее имя.

Вместо него написал:

«Вдову с птицей».

Так было точнее.

Имя он знал только с её слов.

Глава шестая. Общество взаимной выгоды.

Павел вернулся без сдачи.

Михаил заметил это прежде, чем помощник успел снять фуражку.

— Телеграмма подорожала?

— Нет. Возница подешевел.

Павел положил на стол сложенную бумагу и с некоторой гордостью разгладил её ладонью.

— Нашёл лошадей до Режевского завода. Отправляемся завтра в шесть утра. Повозка крытая, возница трезвый. По крайней мере, так обещано письменно.

Михаил прочёл расписку.

«Получено за проезд двух господ с вещами. Доставка обеспечена».

Ни имени получателя, ни суммы на бумаге не было.

Внизу стояла подпись с таким количеством завитков, что место для фамилии, должно быть, кончилось.

— Кто получил деньги?

— Ольга Бочкарёва. Она здесь поездками распоряжается.

— Хозяин вам её рекомендовал?

— Нет, Валерка.

Михаил поднял глаза.

— Кто?

— Валерий Раёв. Внизу познакомились. Очень услужливый человек. Я только спросил про лошадей — он уже всё знает.

— Сколько дали?

Павел назвал сумму.

Михаил отложил расписку.

— Покажите мне этого удивительного человека.

— Что-то не так?

— Пока верно только то, что нас двое и у нас есть вещи. Остальное хотелось бы проверить.

Павел ещё раз посмотрел на бумагу.

— С возницей я, пожалуй, поторопился.

— Вы его видели?

— Лично нет. Но о нём хорошо отзывались.

— Кто?

— Бочкарёва.

Михаил потянулся за сюртуком.

— Взаимное уважение — прекрасная основа предприятия. Особенно когда больше ничего нет.

Ольга Бочкарёва расположилась в маленькой комнате рядом с передней.

На столе перед нею стояли чернильница, счёты и жестяная коробка из-под дорогого чая. Коробка была раскрыта так, чтобы посетитель видел внутри несколько купюр.

Сама Ольга носила тёмное платье с тугим воротником. На груди поблёскивала цепочка, уходившая в карман. Часов при ней, возможно, не было, однако цепочка заметно прибавляла деловитости.

Возле окна сидел молодой человек в клетчатом жилете.

Увидев Павла, он встал.

— Ну что, устроились? Я же говорил: у Ольги надёжно.

Михаил положил расписку на стол.

— Вы Раёв?

— Валерий.

— Михаил Веденин. Хочу узнать, кому принадлежат лошади.

Ольга не подняла головы.

— Вам ехать или лошадям родословную составлять?

— Для начала — убедиться, что они существуют.

Она отложила перо.

— Молодой человек внёс задаток. Заказ принят. Какие ещё вопросы?

— Кто повезёт нас завтра?

— Карташов.

— Имя?

— Иван.

— Где его можно найти?

Ольга указала на дверь с раздражением человека, которому мешают честно трудиться.

— Ванька! Поди сюда!

Из соседней комнаты вышел широкоплечий мужчина с красным лицом. Волосы у него были приглажены водой, а рукава пиджака коротковаты.

— Чего?

— Господа насчёт завтрашней поездки.

Карташов посмотрел на Павла, потом на Михаила.

— А. Эти. Повезём.

— На чьих лошадях? — спросил Михаил.

— На хороших.

— Рад за них. Хозяин кто?

Ванька перевёл взгляд на Ольгу.

Та едва заметно шевельнула губами.

— Сам хозяин, — сказал он.

— Вы возница?

— Бывает.

— Дорогу знаете?

— Не первый год живём.

Раёв поспешно вмешался:

— Иван человек занятой. Ему иной раз некогда разговоры разговаривать.

— Тогда не станем задерживать. Верните задаток.

Ольга захлопнула жестяную коробку.

— По отказу заказчика деньги остаются заведению.

Михаил оглядел комнату.

— Какому именно?

— Нашему.

— Оно как называется?

Раёв кашлянул.

Карташов сказал:

— Общество.

Ольга посмотрела на него так, что он немедленно прибавил:

— По перевозке.

Павел, всё это время стоявший у двери, тихонько произнёс:

— А я думал, мы просто на лошадях поедем.

Ольга встала.

— Послушайте. Ваш приятель пришёл, попросил устроить. Ему устроили. Теперь вы являетесь и с порога оскорбляете порядочных людей.

— Я попросил назвать владельца лошадей.

— Значит, тоном оскорбляете.

Раёв обошёл стол и доверительно взял Павла под локоть.

— Вы бы объяснили своему господину. Мы ведь по-хорошему…

Павел освободил руку.

— По-хорошему деньги отдают в ладонь. В карман лезть неудобно.

На полу возле его сапога лежала монета.

Раёв остановился.

Михаил посмотрел на монету, потом на клетчатый жилет.

— Поднимите.

— Я не…

— Ваше упало, — сказал Павел. — Из моего кармана.

Несколько мгновений никто не двигался.

Потом Карташов шагнул к двери и закрыл её.

Это изменило всё.

До сих пор можно было предположить, что перед ними дурно устроенное предприятие, привыкшее брать деньги прежде, чем договариваться с возницей.

Теперь Ванька стоял спиной к выходу.

— Не надо шуметь, — сказал он.

Михаил повернулся к нему.

— Отойдите от двери.

— А ты попроси.

Михаил не ответил.

Карташов сделал шаг вперёд и протянул руку к его воротнику.

Дальнейшее заняло меньше времени, чем Павлу понадобилось, чтобы отступить от стола.

Михаил перехватил чужую кисть, повернулся и прижал её к дверному косяку. Ванька охнул и сразу подался за рукой, стараясь уменьшить боль.

— Отойдите, — повторил Михаил.

— Пусти!

— Отойду я, — пообещал Ванька уже другим голосом.

Михаил отпустил.

Карташов прижал руку к животу.

На лице у него появилась обиженная растерянность. По-видимому, он рассчитывал на совсем иное продолжение.

Ольга закричала:

— Караул! Грабят!

В коридоре послышались шаги.

Первым появился хозяин. За ним — Сухарев, торговец скобяным товаром, и Митька с мокрой тряпкой.

Хозяин оглядел комнату.

— Опять?

Сухарев остановился у порога.

— Слово не в вашу пользу, — заметил он.

Ольга немедленно указала на Михаила:

— Ворвался, деньги требует, Ивана покалечил!

— Ивана я пока только отодвинул, — сказал Михаил. — Деньги действительно требую. Наши.

Павел поднял монету.

— А эту уже получил.

Хозяин побагровел.

— Ольга, я тебе что говорил? Бумаги переписывай, людям письма составляй. Никаких поездок!

— Я и составляю!

Михаил подвинул расписку.
— Вот одна из них.
Хозяин прочёл.
Потом посмотрел на Карташова.
— Какие у тебя лошади, Ванька?
Тот молчал.
— У него сапоги-то чужие, — сказал хозяин. — Какие лошади?
Раёв осторожно двинулся к выходу.
Сухарев не посторонился.
— Мне за олово вчера заплатить обещали, — напомнил он.
— Так я за деньгами и иду.
— Тогда и я с вами. Чтобы дорогу обратно не забыли.
Ольга села и открыла коробку.
Деньги Павлу она отсчитала с таким видом, словно оказывала незаслуженную милость.
— Подавитесь.
Павел пересчитал.
— Благодарю. Постараюсь употребить иначе.
Михаил забрал расписку.
— Она останется у нас.
— Это моя бумага!
— А деньги были наши. Теперь у каждого что-нибудь есть.
Карташов вдруг потянулся к внутреннему карману.
Михаил напрягся, но Ванька вынул только платок.
Вместе с ним на пол упал сложенный лист.
Хозяин нагнулся.
Карташов дёрнулся так резко, что все посмотрели на него.
— Не трожь!
Но лист уже развернулся.
На нём виднелись ровные столбцы цифр, печать и подписи.
Сухарев перестал улыбаться.
— Откуда у тебя казённая ведомость?
— Моя.
— Это я и спрашиваю: откуда?
Ванька выхватил бумагу у хозяина и попытался сложить.
Михаил успел прочесть заголовок.
Ведомость касалась выдачи денег на почтовые перевозки.
— Вы служите при казначействе? — спросил он.
Карташов молчал.
Ольга медленно отодвинула от себя коробку.
Раёв сказал:
— Я его почти не знаю.
Ванька обернулся.
— Валерка!
— Познакомились недавно.
— Ты же мне сам велел…
— Не надо на людей наговаривать.
Михаил посмотрел на хозяина.
— Пожалуйста, пригласите городового.
На этот раз тот не стал спорить.

Городовой пришёл через четверть часа.

За это время Ольга трижды объяснила, что только предоставляла стол для переговоров. Раёв успел обвинить Карташова, Карташов — Раёва, а затем оба обвинили Ольгу.

Сухарев слушал с вниманием человека, который давно подозревал неладное, но не надеялся получить столь подробные сведения.

В бумагах Карташова обнаружилась ещё одна ведомость.

По ней деньги выдавались за перевозку, которой, как признал сам Ванька после нескольких неудачных объяснений, не было.

Сперва он уверял, что лошадь заболела.

Потом — что деньги вернул.

Затем вспомнил, что деньги должен был вернуть другой человек.

Когда у него спросили имя этого человека, он посмотрел на Раёва.

Тот поспешно отвернулся.

Их увели не сразу. Записывали имена, считали деньги, требовали объяснений. Карташов всё ещё пытался говорить внушительно, но каждый раз переходил на жалобу.

— Казённое, значит, искать будут, а моё кто искать станет? — спросил у городового Сухарев.

— Заявляйте.

— Заявлю. У меня память торговая. Сумму помню точно.

Ольга уходила последней.

Возле Михаила она остановилась.

— Очень вы собой довольны, господин переводчик?

— Нет. Из-за вас мы потеряли время.

— Время! — Она усмехнулась. — Вы бы лучше подумали, отчего вас так охотно к нам направили.

Михаил повернулся к ней.

— Кто направил?

Но городовой уже потребовал не задерживаться.

Ольга поджала губы и пошла к выходу.

Михаил шагнул следом.

— Раёв.

Тот обернулся с поспешной готовностью.

— Я ничего не знал про казённое. Это Ванька…

— Когда вы познакомились с Павлом Сергеевичем?

— Сегодня.

— Сами заговорили?

— Он лошадей спрашивал.

— А вы уже знали, что ему нужны лошади до Режевского завода?

Раёв открыл рот.

Закрыл.

— Здесь все про всех знают.

— Кто вам сказал?

Городовой придержал его за плечо, ожидая ответа.

Раёв посмотрел на Михаила уже без прежней наглости.

— Господин один. Велел предложить, если про дорогу спросят.

— Какой господин?

— Не знаю.

— Правую руку берёг?

Раёв моргнул.

— А вы откуда…

Он осёкся.

Михаил почувствовал, как Павел замер рядом.

— Что именно вам велели? — спросил он.

— Предложить лошадей. Денег взять. А вечером сказать, что лошадей нет.

— Чтобы мы не выехали завтра утром?

Раёв опустил глаза.

Городовой подтолкнул его к двери.

На крыльце Карташов громко требовал осторожности: у него, по его словам, была повреждена рука.

Михаил смотрел им вслед.

Трое, ещё недавно такие шумные, теперь старались идти порознь.

Павел достал возвращённые деньги.

— Значит, возницы не было.

— Не было.

— И лошадей.

— По всей видимости.

Помощник подумал.

— А трезвость его я сразу поставил под сомнение. Слишком уж хвалили.

Михаил не улыбнулся.

Во дворе стояла летняя жара. Курица купалась в пыли под колесом телеги. Митька выплёскивал грязную воду за ворота, стараясь попасть в узкую полоску тени.

Кто-то очень старался, чтобы переводчик задержался в Екатеринбурге.

И для этого нанял людей, которые не сумели договориться даже о собственной лжи.

Но человек, который берёг правую руку, рассчитывал не на их ум.

Ему требовалось, чтобы они отняли у Михаила время.

— Найдём другого возницу, — сказал Павел.

— Да.

— На завтра?

Михаил убрал часы.

— На сегодня.

Глава седьмая. Лошадь без родословной.

Настоящий возница нашёлся за кухней.

Он сидел на перевёрнутом ведре и чинил ремень. Рядом стояла гнедая лошадь, положив голову ему на плечо. Когда человек наклонялся за шилом, лошадь терпеливо дожидалась, пока плечо вернётся на место.

— Вот Степан, — сказал хозяин. — До Режевского завода довезёт.

Михаил остановился в нескольких шагах.

— Лошадь ваша?

Возница поднял глаза.

— Моя.

— А повозка?

— Тоже моя.

Павел с облегчением вздохнул.

— Уже хорошо.

Степан посмотрел на него, потом на хозяина.

— Они прежде не ездили?

— Ездили, — ответил Михаил. — Но сегодня стали осторожнее.

Возница протянул ремень к свету, проверил шов.

— Оно полезно. Только долго осторожничать не советую. К вечеру дождь будет.

Небо над двором стояло ясное.

Павел поднял голову.

— Откуда видно?

— Пока не видно.

— А как же вы…

— Ночью плечо ломило.

Помощник помолчал.

— У Михаила Андреевича кисть болит. Мы по ней ещё не научились.

Степан впервые улыбнулся.

Цену он назвал без торга. Объяснил, где придётся кормить лошадь, где менять её у знакомого двора и почему нельзя рассчитывать попасть в Реж засветло, если выезжать после полудня.

— Деньги вперёд? — спросил Михаил.

— За овёс дайте. Остальное как приедем.

— Расписку напишете?

Степан нахмурился.

— Написать не сумею. При хозяине уговоримся. Ежели не довезу, он знает, где меня искать.

Гнедая переступила с ноги на ногу и ткнулась мордой в его воротник.

Павел осторожно протянул ей ладонь.

— А зовут как?

— Барыня.

— Строгая?

— Кому как. Меня содержит.

Пока собирали вещи, Михаил ещё раз поговорил с хозяином.

Имени Степана в книге не оказалось: тот не снимал комнаты, а заезжал на двор много лет. Хозяин знал его деревню, жену и старшего сына, который прошлой осенью сломал ось и задолжал за починку.

Эти сведения внушали больше доверия, чем обещание непременно доставить двух господ.

— Передадите в телеграфную контору, если придёт ответ на имя Веденина: отправились раньше, — попросил Михаил.

Хозяин кивнул.

— В Режевской завод?

— Именно.

— А если спрашивать будут, где остановитесь?

Михаил задержал на нём взгляд.

Хозяин поправился:

— Скажу, не знаю.

— Это будет правда.

Павел уже спускался по лестнице с караваем под мышкой. Полотенце было завязано иначе: хлеб заметно уменьшился.

Следом шёл Митька с саквояжем. На этот раз он не выпускал ручку, пока Михаил сам не взялся за неё.

— Господин, — негромко сказал мальчик.

— Да?

Митька сунул ему в ладонь пятак.

— Не хочу его.

Михаил посмотрел на монету.

— Ты ничего дурного не сделал.

— Знаю. А всё равно.

Уговаривать мальчика он не стал.

— Хорошо. Я передам городовому, от кого получил. Если понадобятся объяснения, скажешь, как было.

Митька кивнул.

Павел вдруг развязал полотенце, отломил большой кусок хлеба и протянул ему.

— Возьми. Только этот за честность. Не перепутай.

Мальчик улыбнулся и спрятал хлеб за спину.

Из кухни немедленно раздалось:

— Митька! Что опять жуёшь?

— Пока ничего! — ответил он совершенно правдиво.

У ворот Михаил обернулся.

На втором этаже колыхалась выцветшая занавеска их комнаты. Внизу хозяин уже разговаривал с новым постояльцем. Сухарев стоял у конторки и что-то писал, упираясь всем предплечьем в стол.

Двор возвращался к своим делам с быстротой, немного обидной для человека, который только что пережил здесь несколько неприятных часов.

Степан подобрал вожжи.

Барыня тронулась сама.

— Намерения у неё хорошие, — сказал Павел.

— Посмотрим на исполнение, — ответил Михаил.

За городом стало просторнее.

Повозка миновала огороды, редкие дома, длинный забор с покосившимися жердями. Женщина у колодца прикрыла ладонью глаза, провожая их взглядом. Возле канавы паслись гуси; крайний гусак вытянул шею вслед колёсам, но связываться с Барыней не решился.

Потом дорога вошла в березняк.

Пыль осела. Под пологом деревьев пахло молодой листвой, сырой корой и чем-то цветущим, чего Михаил не сумел бы назвать.

Павел снял фуражку.

— Уже лучше.

— Чем?

— Никто ничего не предлагает.

Степан оглянулся.

— К вечеру предложу слезть на подъёме.

— Я про услуги.

— А это не услуга. Это подъём.

Некоторое время ехали молча.

Михаил старался не думать о письме. Оно лежало во внутреннем кармане, но ощущалось так, словно конверт положили под самый воротник.

Если его хотели задержать, зачем одновременно снабдили поручением?

Или одно не имело отношения к другому?

Возможность эта была неприятна именно своей простотой. Стоило связать венок, птицу, чужой саквояж и мошенников в одну цепь — и уже казалось, что за каждым деревом должен стоять человек с приготовленным объяснением.

Но жизнь редко заботилась о стройности чужих догадок.

Павел наклонился ближе.

— Я всё об Ольге думаю.

— Напрасно.

— Она ведь могла промолчать. Деньги отдала бы, и разошлись.

— Ей хотелось нас задеть.

— А вышло, предупредила.

— Такое бывает.

Помощник посмотрел на дорогу.

— Тогда хорошо, что она сердитая.

Михаил невольно улыбнулся.

Впереди Степан придержал лошадь. Поперёк колеи лежала тонкая берёзовая ветка.

Он спрыгнул, отбросил её в траву и перед тем, как вернуться на облучок, проверил подпругу.

Михаил заметил: всё это возница делал без спешки, но и без лишнего движения.

После утреннего многословия такая работа успокаивала.

— Давно возите? — спросил он.

— Достаточно.

— В Реж часто ездите?

— Случается.

— Белый дом у плотины знаете?

Степан чуть повернул голову.

— Знаю дом.

— Нам туда.

Возница кивнул и тронул вожжи.

Только после этого спросил:

— Вас там ждут?

— Да.

— Ну и ладно.

Михаил выждал.

Но Степан больше ничего не добавил.

Дождь начался, когда они остановились кормить лошадь.

Сначала на пыль легли редкие тёмные точки. Затем листья зашумели разом, и Степан, стоявший у оглобли, посмотрел на небо без всякого удовольствия от собственной правоты.

Постоялый двор здесь был меньше городского: низкий дом, навес, колодец и ворота, которым не хватало одной створки.

Хозяйка вынесла чайник, хлеб и глубокую миску простокваши.

Павел отрезал ломоть от матушкиного каравая, попробовал местный хлеб и положил оба куска рядом.

— Что? — спросил Михаил.

— Сравниваю без предубеждения.

— Матушке сообщите?

— Не всё полезно знать родителям.

За стеной тихонько скрёбся кот. Хозяйка открыла дверь, и на пороге появился худой полосатый кот с мокрой спиной.

Он обошёл сапоги Степана, остановился у Павла и посмотрел на миску.

— Этот тоже сравнивает, — заметил возница.

Павел подвинул ему пустое блюдце.

— Так вы мнения не добьётесь, — сказала хозяйка.

Она налила коту немного молока и забрала у гостей мокрые дорожные платки.

Михаил грел ладони о стакан. Дождь стучал по крыше густо, ровно. В комнате было темнее, чем следовало в этот час, и оттого огонь в печи казался особенно домашним.

На несколько минут поездка сделалась просто поездкой.

Потом в сенях хлопнула дверь.

Вошёл молодой мужик в промокшем картузе. Посмотрел на Степана и остановился.

— Ты, что ли?

Возница поднял глаза.

— Я. А что?

— Проехали бы — не догнал.

Мужик вынул из-за пазухи сложенную бумагу.

— Тебе велено.

Степан не потянулся за ней.

— Кем?

— На дороге господин встретил. Спросил, здесь ли меняют. Я сказал, здесь.

Михаил поставил стакан.

— Какой господин?

Мужик посмотрел на него с недовольством.

— Обыкновенный.

— В сером пальто?

— Вроде.

— Руку держал под полой?

— Держал. А что?

Павел медленно опустил ложку.

Степан взял бумагу, но не развернул.

— Прочтите, Михаил Андреевич. Только вслух.

На листе было написано:

«Едущих в Режевской завод господ доставить к старой мельнице за развилкой. На большой дороге не задерживаться. Встречающие будут. За лишний проезд уплачено».

Подписи не было.

Михаил перечитал записку.

— Кому уплачено? — спросил Степан.

Посыльный пожал плечами.

— Не мне. Мне только передать.

— Господин дальше поехал?

— Обратно к городу.

— Один?

— С кучером.

Михаил попросил описать повозку, лошадей, самого человека. Мужик отвечал неохотно, однако в его ответах не было противоречий. За передачу записки ему дали монету. Он полагал, что выполнил пустячную работу, а вместо этого оказался среди людей, которым отчего-то понадобилось знать цвет чужих усов.

Когда его отпустили, Степан положил ладонь на стол.

— К мельнице не поедем.

— Вы её знаете? — спросил Михаил.

— Знаю. С дороги не видно. Поворачивать там неудобно, мостки гнилые.

— Есть другой путь к Режу?

— Есть. Дольше.

Михаил посмотрел в окно.

По стеклу бежала вода.

— Сколько потеряем?

— Как дорога пустит.

Павел вытер ложку и убрал её подальше от края.

— Значит, то задержаться просили, то поторопиться к мельнице.

— Не нас просили, — сказал Михаил. — Степана.

Возница кивнул.

Он понял это сразу.

Видимо, отправитель записки рассчитывал, что он поверит незнакомому человеку и не станет беспокоить пассажиров дорожными подробностями.

— Поедем другим путём, — решил Михаил.

Степан поднялся.

— Тогда допивайте. Дождь чуть стихнет — тронемся.

Когда возница вышел, Павел подвинул записку к Михаилу.

— Почерк тот же?

Михаил достал конверт Зориной.

Положил рядом.

Буквы различались. Здесь человек писал быстро, не стесняясь места. Но последний штрих снова загибался вверх маленьким тесным крючком.

Михаил долго смотрел на неё.

— Похоже.

— На конверт?

— Да.

Он не сказал, что сходство было ещё с чем-то.

В памяти опять возник стол, наклонённая над бумагами голова, женский рукав коричневого платья.

И чужая рука рядом.

Павел ждал.

Михаил убрал обе бумаги.

— Пока этого мало.

Во дворе Степан проверял колёса. Хозяйка держала над ним старый зонт, и оба сердились, поскольку зонт мешал работе, а без зонта мокла шея.

Павел подошёл к окну.

— Поедем объездом. Не узнают, где мы.

Михаил хотел согласиться.

Но посмотрел на пустой стакан, на деньги, приготовленные хозяйке, на мокрый картуз посыльного, забытый на лавке.

Они уже изменили время выезда.

Уже выбрали другого возницу.

И всё же записка настигла их раньше темноты.

— Паша, — сказал он, — отныне о дороге спрашиваю только я.

Помощник обернулся.

— А мне что делать?

— Смотреть, кто слушает ответы.

Глава восьмая. Дорога для своих.

Картуз посыльного остался на лавке.

Михаил заметил его, когда Павел уже поднял каравай, а хозяйка принялась вытирать стол.

— Ваш человек вернётся? — спросил он.

Женщина посмотрела на картуз.

— Этот-то? Вернётся. Без головы уйти может, без шапки — нет.

— Он здесь служит?

— Племянник. На покосе помогает.

Михаил вышел в сени.

За приоткрытой дверью Степан затягивал ремень. Дождь сделался мельче, но не кончился; на краю навеса набухала капля, срывалась, и на её месте сразу появлялась другая.

— Далеко до развилки с мельницей?

— По большой дороге недалеко. Нам раньше свернуть.

— Тогда пока не трогайтесь.

Степан выпрямился.

Михаил показал ему картуз.

— Хочу задать ещё один вопрос.

— Про руку?

— Про дорогу.

Возница немного подумал и кивнул.

Он не стал спрашивать, отчего приезжему переводчику вдруг понадобилось знать столько подробностей. Только провёл ладонью по мокрой шее и сказал:

— Барыню под навес поставлю. Она чужих вопросов не любит.

Посыльный вернулся через несколько минут.

Он вошёл боком, надеясь забрать картуз без разговоров, но хозяйка остановила его у порога.

— Федя, ты сначала сапоги оботри. Я тебя по следам от колодца нашла бы.

Федя послушно потоптался на половике.

Михаил отодвинул от него записку.

— Когда господин встретил тебя, ты куда шёл?

— С запруды.

— Он окликнул?

— Спросил, чей двор.

— Потом попросил передать бумагу?

— Потом.

— А про нас что сказал?

Федя взял картуз, повертел его.

— Что двое господ из города едут.

— На какой лошади?

— На гнедой.

— Он сам это сказал?

— Ну да.

Степан перестал возиться с пряжкой.

— Меня назвал? — спросил он из сеней.

— Назвал. Сказал: Степану передай.

Михаил посмотрел на возницу.

Тот медленно положил ремень на лавку.

— Значит, меня знает.

— Может быть, — ответил Михаил. — А может быть, видел, как мы уезжали.

Он снова повернулся к Феде.

— Ты сказал ему, что мы здесь?

— Я вас тогда ещё не видел.

— Точно?

— Господин, я с запруды шёл. Здесь лесом ближе. Он на дороге стоял, у спуска.

Федя указал за окно.

Михаил помолчал.

До сих пор записка казалась свидетельством того, что за ними следят. Теперь появлялось более простое объяснение: человек знал возницу и знал, где тот остановится.

— Он при тебе писал?

— Нет. Готовую достал.

— Сложенную?

— Сложенную.

— И велел отдать именно Степану?

— Да сколько же раз…

Федя спохватился.

— Простите.

— Ничего. Последний вопрос. Он торопился?

Федя впервые задумался.

— Не очень. Кучер торопился. А тот велел подождать.

— Откуда ты знаешь?

— Слышал. Кучер сказал: «Не успеем». А господин ответил: «Успеют они».

В сенях тихонько звякнуло железо.

Это Степан опустил пряжку на лавку.

Когда Федя ушёл, Михаил развернул записку ещё раз.

За лишний проезд уплачено.

Фраза была короткая и удобная: не сказано ни кому уплачено, ни сколько.

— Степан, вы всегда здесь меняете лошадь?

— Почти.

— И всегда едете большой дорогой?

— Смотря куда везу.

— До Режевского завода?

— Тогда большой.

— Значит, записку могли приготовить заранее.

Павел сел обратно.

— Пока мы ещё с Ольгой торговались?

— Возможно.

— Тогда она даже помешала. Если бы не разболтала, мы бы спокойно выехали утром.

Михаил провёл ладонью по лицу.

Объяснения снова не сходились.

Один и тот же человек, судя по приметам, велел мошенникам задержать их, а затем прислал распоряжение свернуть к мельнице. Но мог ли Михаил быть уверен, что приметы указывали на одного человека?

Серое пальто.

Светлые усы.

Рука под полой.

Только Митька видел пластырь на подбородке.

— Мы ещё не знаем, один ли это господин, — сказал он.

Павел посмотрел на него.

— Рука-то у обоих болит.

— Именно это я и помню лучше всего. А следовало бы помнить лица.

Хозяйка поставила на стол узелок.

— Возьмите. Яйца, соль. В дороге съедите.

Павел потянулся за кошельком.

— Сколько?

— За яйца потом сочтёмся со Степаном.

Возница нахмурился.

— Почему со мной?

— Потому что тебя знаю. А господа уедут.

— Хороший у вас порядок, — заметил Павел. — Знакомство начинается приятно, а потом предъявляют счёт.

Хозяйка усмехнулась.

Михаил положил деньги на стол.

— Давайте сегодня без долгов.

Он дождался, пока женщина принесёт сдачу, и спросил:

— Кто ещё знает объездную дорогу?

— Все здешние, — ответил Степан.

Это был не тот ответ, который хотелось услышать.

Зато честный.

Они выехали, когда дождь почти перестал.

Вскоре Степан свернул между двумя берёзами на узкую колею. Ветки задели кожаный верх повозки. Барыня пошла медленнее, выбирая место для каждого копыта.

Павел оглянулся.

Большой дороги уже не было видно.

— Здесь кто-нибудь ездит?

— Ездят.

— А навстречу если?

— Разойдёмся.

Помощник посмотрел на тесно стоящие стволы.

— Лошади, может, и разойдутся. Повозкам придётся познакомиться ближе.

Степан не ответил. Он прислушивался.

Михаил тоже услышал: впереди звякнул колокольчик.

Потом ещё раз.

Из-за поворота показалась маленькая телега, гружённая пустыми молочными крынками. На передке сидела женщина в платке; рядом, крепко обхватив узел, дремала девочка.

Увидев Степана, женщина придержала вожжи.

— Нелёгкая тебя принесла.

— И тебе доброго вечера, Дарья.

— Назад сдавай. У меня кобыла не пойдёт.

— У меня господа. Переводчик Веденин и его помощник Куликов.

Дарья заглянула под верх повозки.

— Господа могут выйти. А кобыле я это как объясню?

Павел уже поднимался.

— Довод основательный.

Пришлось вылезти в мокрую траву, помочь Степану откатить повозку к небольшому просвету и придержать заднее колесо, пока телега протискивалась мимо.

Девочка проснулась.

Под узлом у неё оказалась корзина, а в корзине — трое котят.

Один высунул голову и сердито пискнул на Павла.

— Этот старший? — спросил он.

— Этот громкий, — ответила девочка.

Дарья велела дочери прикрыть корзину.

— Продашь их с таким нравом, — проворчала она. — Все обратно принесут.

Когда телеги поравнялись, Степан спросил:

— На большой дороге никого не видала?

— Видала. Повозка у старого поворота стоит. Меня спрашивали, не проезжал ли кто из города.

Михаил поднял голову.

— Кто спрашивал?

— Молодой. В фуражке.

— А ещё кто был?

— В повозке сидел. Я не разглядывала. Мне молоко везти, не чужих пассажиров считать.

— Что вы ответили?

— Что дорога общая, всякий проезжает.

Степан тихо хмыкнул.

Дарья тронула кобылу.

Уже отъехав, она обернулась:

— Только вы, если к мельнице, зря едете. Там мостки весной унесло.

Михаил посмотрел на Степана.

— Вы говорили, гнилые.

Возница покачал головой.

— Я с зимы там не был.

Колокольчик удалялся между деревьями.

Павел стоял по щиколотку в мокрой траве.

— За лишний проезд уплачено, — произнёс он. — А за переправу, выходит, забыли.

Дальше ехали почти без разговоров.

Михаил несколько раз порывался попросить Степана остановиться.

Можно было вернуться к большой дороге пешком и посмотреть из леса.

Левая кисть ныла. Он держал её на колене, прикрыв другой ладонью.

Вскоре лес поредел.

За ним открылся покос, низкие сараи и несколько домов. Над одной крышей поднимался дым. Собака залаяла раньше, чем повозка выехала на улицу.

— Здесь переночуем, — сказал Степан. — Дальше в темноте не повезу.

Михаил не возражал.

Они остановились возле дома с высоким крыльцом. Из-под повозки тотчас выскочил лохматый пёс, понюхал колесо и направился к Павлу.

— Не кусается? — спросил помощник.

На крыльцо вышла пожилая женщина.

— Если не обидишь.

Павел замер.

— Условие широкое.

— Ему хлеб покажи.

— Вот так бы сразу.

Пока Степан договаривался о ночлеге, Михаил помог снять саквояж. Сам перенёс его в дом, поставил возле лавки и только тогда позволил себе расправить плечи.

В избе пахло сушёными травами и горячей кашей. За перегородкой стукнула заслонка.

Никто не знал его фамилии.

Никто не просил передать письмо.

Эта простая тишина показалась ему почти роскошью.

Хозяйка поставила на стол миски.

— Руки мойте. Ужин стынет.

Павел покорно направился к рукомойнику.

Михаил задержался у окна.

Степан вёл Барыню во двор. Собака сопровождала их, время от времени оглядываясь на повозку.

И тут возница остановился.

Наклонился к заднему борту возле оси.

Провёл по ней пальцем и долго разглядывал руку.

Михаил вышел на крыльцо.

— Что там?

Степан молча показал ему мазок на пальце.

Красная краска.

На тёмной древесине, с внутренней стороны заднего борта, была проведена короткая свежая черта.

Михаил присел.

Под крытым верхом её нельзя было увидеть. С дороги, сбоку, тоже.

Зато человек, нагнувшийся к колесу, заметил бы сразу.

— Ваша метка?

— Нет.

— Раньше была?

— Утром ось смазывал. Увидел бы.

Павел появился в дверях с мокрыми руками.

— Ужинать зовут.

Михаил выпрямился.

Сразу вспоминались десятки рук, касавшихся повозки: во дворе, у ворот, под навесом, на тесной лесной дороге. Теперь уже не разобрать.

— Паша, принесите щётку.

Помощник удивлённо посмотрел на его чистый сюртук.

— Не для одежды. Для повозки.

Степан сходил за горстью песка и тряпкой.

Они работали молча, пока красная черта не исчезла под мокрым тёмным пятном.

Потом Михаил обошёл повозку ещё раз.

На другом борту ничего не было.

Под сиденьем тоже.

Он уже собирался идти в дом, когда Степан негромко сказал:

— Вот зачем ему гнедая понадобилась.

Михаил обернулся.

— Что?

— Федя сказал: двое господ, Степан, гнедая. Только гнедых на дороге много. И меня не каждый знает.

Он кивнул на отмытый борт.

— А эту черту, выходит, объяснили тому, кто должен был встретить.

Михаил посмотрел за ворота.

На улице никого не было. В лужице у канавы ещё держался вечерний свет.

— Завтра выедем рано, — сказал он.

Из дома донёсся голос хозяйки:

— Рано выедете, поздно — а есть всё равно надо!

Павел посторонился, пропуская Михаила в дверь.

На этот раз спорить с хозяйкой не хотелось никому.

Только перед сном Михаил вынес саквояж из общей комнаты и поставил у своего изголовья.

А письмо оставил при себе.

Ночью пёс поднял голову.

Он не забрехал. Приподнялся, потянул носом воздух и снова лёг, положив морду на лапы.

Павел открыл глаза сразу.

Михаил спал, положив левую кисть поверх саквояжа.

Павел подошёл к окну и заглянул в щель между ставнями.

Возле конюшни стоял человек. Он не трогал дверь и не заглядывал в окна. Он смотрел на повозку — долго, спокойно, как смотрят на гроссбух.

Потом человек перешагнул через канаву и пошёл к лесу.

Павел перелез через подоконник, миновал двор и остановился у канавы. Догонять он не стал: без оружия, без сапог, в ночной рубахе, — погоня вышла бы комичной, а поворачиваться спиной к дому не хотелось.

У самой кромки травы лежал лоскут.

Павел поднял его и вернулся.

Серое сукно, плотное, с двойным швом. Похоже, от добротного пальто.

Утром Степан осмотрел канаву и забор.

— Через канаву перешёл уверенно, — сказал он. — Может, местный. Или уже бывал здесь.

— Отчего пёс не залаял? — спросил Михаил.

Степан посмотрел на пса. Тот спал у крыльца, положив морду на лапы.

— Может, накормили. Пса хлебом легко задобрить.

— Откуда знаете?

— Такой же был у отца. Я в детстве на этом разорился: всякий, кто жалел пса, приходил во двор не по доброте.

Степан свернул лоскут и подал Михаилу.

— Сперва смотрят, — сказал он. — Потом считают.

Михаил убрал сукно в папку.

Глава девятая. Дом, в котором ждали.

Михаила разбудил петух.

Кричал он не во дворе, а, судя по убедительности звука, непосредственно у изголовья.

Михаил открыл глаза.

За маленьким окном белело утро. На лавке напротив спал Павел, подвернув под щёку ладонь. Сапоги его стояли рядом, аккуратно, носками к двери. На одном сапоге сидел кот.

Петух закричал снова.

— Встану, — пробормотал Павел. — Только жалованья вы мне всё равно не прибавите.

Кот открыл глаза.

Михаил осторожно сел, стараясь не задеть головой низкую полку.

Ночь прошла спокойно. Это почему-то удивляло.

Он нащупал внутренний карман сюртука, висевшего рядом на гвозде. Конверт был на месте. Сургучная печать осталась цела.

Из сеней донёсся голос Степана:

— Михаил Андреевич, готовы?

Павел тут же открыл глаза.

— Готовы, — ответил он.

Потом увидел кота на сапоге.

— Почти.

На крыльце стояла хозяйка с завёрнутыми в тряпицу пирогами. Взяла деньги, пересчитала и вернула одну монету.

— Лишнее.

Михаил хотел сказать, что это за беспокойство, но не сказал.

За последние сутки он слышал это слово слишком часто.

— Благодарю.

Женщина кивнула на Павла:

— Этого кормите вовремя. Он у вас к вечеру задумчивый становится.

— Я обдумывал обстоятельства, — возразил помощник.

— Ну вот. А поел — и перестал.

Степан уже сидел на облучке.

На отмытом борту осталось светлое пятно. Михаил провёл по нему ладонью, потом осмотрел оба колеса.

Павел наблюдал молча.

— Ничего, — сказал Михаил.

И впервые за утро это слово означало хорошую новость.

Дорога подсыхала.

Над колеями тянулся лёгкий пар. В траве дрожала вода, берёзовые листья после дождя казались почти прозрачными.

На пригорке пришлось выйти.

Павел шёл рядом с повозкой, придерживая каравай под мышкой. От прежнего величия хлеба осталась неровная краюха.

— Доедет, — сказал он, заметив взгляд Михаила.

— Кто?

— Хлеб.

— Вы уверены?

Павел взвесил свёрток в руке.

— Не весь. Но представители будут.

Степан негромко хмыкнул.

На вершине он остановил лошадь и указал кнутовищем вперёд.

Между деревьями лежала вода.

Михаил сначала принял её за полосу низкого тумана. Потом повозка продвинулась ещё немного, и за лесом открылись пруд, крыши, заводские строения.

Из трубы поднимался дым.

Где-то ударило железо.

Звук пришёл не сразу: сначала Михаил увидел движение у далёкой постройки и лишь потом услышал глухой звон.

— Режевской завод, — сказал Степан.

Павел снял фуражку и провёл ладонью по волосам.

— Вот теперь будто приехали.

Михаил смотрел на пруд.

Он представлял себе Реж гораздо меньше. Несколько улиц, завод, дом вдовы. Здесь же вода связывала всё в одно целое: лес по берегам, плотину, дома на склоне, дым над крышами.

Дорога пошла вниз.

Появились заборы, огороды, женщина с корзиной белья. Мальчик катил перед собой обруч, но при виде повозки остановился и забыл про своё занятие.

У ворот одного дома лежала большая чёрная собака. Она проводила Барыню взглядом и не встала.

— Здешняя служба спокойнее нашей, — заметил Павел.

Михаил не ответил.

Он увидел белый двухэтажный дом.

Нижние окна смотрели на дорогу. Выше выступал эркер; сбоку тянулся балкон, с которого должны были открываться и завод, и плотина, и пруд.

На балконе стояла женщина.

Она не махала им.

Просто смотрела.

Когда Степан повернул к воротам, женщина исчезла за стеклянной дверью.

Михаил почему-то выпрямился.

Первой их встретила собака.

Небольшая, пёстрая, с одним стоячим ухом и другим, сложенным набок. Она выбежала из-за дома, обнюхала колесо и сразу направилась к Павлу.

— Всё слышали, — сказал тот. — Ещё не вошли, а уже знают, у кого съестное.

— Жуля.

Женщина стояла на крыльце.

На ней было серое платье с белым воротником. Рукава закатаны чуть выше запястий; на одном пальце блестела капля воды.

Михаил снял шляпу.

— Веденин. Михаил Андреевич.

— Ксения Николаевна Клевакина.

Она посмотрела на него внимательно, потом на Павла, на вещи.

— Мы вас ждали к вечеру.

— Пришлось изменить дорогу.

— Что-нибудь случилось?

Михаил задержался с ответом.

Не потому, что хотел скрыть случившееся.

Он заметил, как ветер прижал к её виску короткую прядь, и с неожиданной ясностью понял, что уже несколько мгновений смотрит именно туда.

— Небольшие дорожные затруднения, — сказал он наконец.

Павел поставил каравай на край повозки.

— У некоторых затруднений даже имена были.

Ксения перевела на него взгляд.

— Тогда вам прежде всего нужно позавтракать.

— Вы очень верно понимаете положение.

У двери появился седой человек в жилете. Поднял саквояж, но Михаил невольно придержал ручку.

Человек остановился.

Михаил отпустил.

— Простите.

Ксения заметила это движение, однако ничего не спросила.

— Фёдор покажет вашу комнату. Анна Петровна сейчас спустится.

Она посторонилась.

Жуля проскользнула в дом первой.

В передней было прохладно. Пахло воском, деревом и свежим хлебом. На стене висела гравюра в тёмной раме, под нею стоял столик с фарфоровой чашей для визитных карточек.

Михаилу сразу захотелось оглянуться.

Не на чашу и не на гравюру.

Он удержался.

И от этого почувствовал себя ещё нелепее.

Наверху Павел поставил хлеб на стол и тихо произнёс:

— Дорожные затруднения.

— Что?

— Хорошо сказано. Кратко. Если дальше так переводить, у нас вся поездка на полстраницы уместится.

Михаил снял сюртук.

— Умойтесь, Паша.

— Непременно.

Помощник подошёл к кувшину и вдруг остановился.

— А вы уже улыбаетесь.

— Я рад, что мы приехали.

— Я тоже. Только у меня это началось после слов о завтраке.

Михаил взял полотенце.

На этот раз спорить было особенно опасно: Павел мог оказаться прав.

Анна Петровна ждала их в небольшой столовой.

Она поднялась из кресла, когда Михаил вошёл, и протянула руку.

— Благодарю, что приехали.

Голос у неё был ниже, чем он себе представлял.

Невысокая, прямая, в тёмном платье без траурной вуали, она смотрела спокойно. Только большим пальцем всё время поправляла кольцо.

— Простите, что не встретила сама. У меня с утра голова…

Она не договорила.

— В дороге вам передали что-нибудь?

Михаил остановился возле стола.

Ксения, разливавшая чай, медленно поставила чайник.

Павел посмотрел на Михаила.

— Почему вы спрашиваете? — произнёс он.

Анна Петровна сжала пальцы.

— Значит, передали.

Михаил вынул конверт.

Он пока держал его в руке.

— Это письмо оказалось среди моих вещей без моего ведома. При свидетелях. Я хотел бы понять, как оно ко мне попало.

Анна Петровна смотрела на надпись.

— Вы не вскрывали?

— Нет.

Она закрыла глаза.

Михаилу показалось, что это было облегчение.

Или страх.

— Мне сообщили, что вы можете привезти письмо, — сказала она.

— Кто?

— Записку оставили вчера вечером.

— Она сохранилась?

— Да.

Анна Петровна подошла к небольшому бюро у стены, открыла ящик и достала сложенный лист.

Михаил прочёл:

«Переводчик везёт письмо вашего мужа. До передачи никому не объявляйте о его приезде».

Он поднял глаза.

— Вашего мужа?

— Так написано.

— Вы узнаёте почерк на конверте?

— Нет.

Ответ прозвучал сразу.

— А почерк в записке?

Анна Петровна покачала головой.

Михаил протянул ей письмо.

— Прошу вас, вскройте при нас.

Она взяла конверт, но к ножу для бумаги не потянулась.

— Ксения, пригласи гостей к столу. Вы, должно быть, голодны.

Павел стоял в двух шагах.

Ксения не двинулась.

— Анна Петровна.

В её голосе не было ни упрёка, ни просьбы. Только имя, произнесённое тихо.

Хозяйка посмотрела на неё.

Потом положила конверт на стол.

— Хорошо.

Она разрезала край.

Внутри оказался один лист.

Михаил увидел французские строки, ровные, с широкими промежутками. Ни даты, ни обращения.

Анна Петровна пробежала глазами верхнюю строку и протянула бумагу ему.

— Переведите.

Он начал читать про себя.

Потом вернулся к началу.

Ксения придвинула свободный стул, но Михаил остался стоять.

— Здесь сказано: «Если вы читаете это письмо, значит, я не успел объяснить сам. Не верьте женщине, которая явится от моего имени».

Павел замер.

— Дальше, — попросила Анна Петровна.

Михаил опустил взгляд.

— «Она будет утверждать, что овдовела этой зимой. Птица принадлежит не ей».

В комнате стало слышно, как за стеной ходят часы.

Михаил положил лист на стол.

— Вы знакомы с Софьей Карловной?

Анна Петровна посмотрела на Ксению.

Та побледнела.

— Кто это? — спросила хозяйка.

— Дама, с которой мы ехали в поезде. Представилась вдовой. Везла попугая под чёрным покрывалом.

Анна Петровна медленно села.

— Николай Осипович сказал, что птицу продали.

— Кто такой Николай Осипович?

— Глинский. Он служил вместе с моим мужем.

Михаил снова взял письмо.

— Это написано рукой вашего супруга?

— Не знаю. Возможно. Я не могу…

Она потёрла лоб.

— Он писал по-французски иначе. Когда мне писал — иначе. Но почерк менялся. Под конец у него руки дрожали.

Ксения поставила перед ней стакан воды.

Михаил посмотрел на нижнюю строку.

Длинная черта под последним словом заканчивалась тесным крючком.

Тем самым.

— Паша, принесите нашу папку.

Помощник ушёл и вернулся почти сразу.

Михаил расстегнул кожаный клапан.

Внутри лежали чистые листы, дорожная квитанция и газета, которой Павел когда-то прикрыл бельё.

Тетради не было.

Он проверил карман папки.

Потом другой.

Павел затаил дыхание.

— На подоконнике, — сказал он наконец.

Михаил закрыл глаза.

Стеклянный пресс. Белый край страницы. Окрик из передней.

— Да.

— Я её не положил.

— Я тоже.

Некоторое время они смотрели друг на друга.

— Она нужна? — спросила Ксения.

Михаил повернулся к ней.

— Очень.

И впервые за всю дорогу ему стало по-настоящему досадно не на чужую хитрость, а на собственную небрежность.

Нужно было послать за тетрадью. Найти надёжную оказию. Дождаться.

А письмо уже лежало перед Анной Петровной и требовало решения сейчас.

Хозяйка потянулась к нему.

Михаил осторожно придержал край.

— Не спешите ему верить.

— Но вы сами перевели…

— Я перевёл слова. Это не значит, что они правдивы.

Анна Петровна убрала руку.

За окном громко загоготали гуси. Жуля вскочила и выбежала из столовой.

Михаил смотрел на французские строки.

Теперь он, кажется, понял, для чего при свидетелях ему подложили запечатанный конверт.

Не просто чтобы доставить.

Чтобы здесь, в этом доме, письмо прочёл человек, которого хозяйка сама пригласила и которому заранее решила доверять.

На его честность действительно рассчитывали.

Только не так, как ему хотелось бы.

Глава десятая. Чужое слово.

Первым к завтраку вернулся Павел.

Не потому, что утратил интерес к письму. Просто перед ним стояла тарелка, а на тарелке лежал пирог, который остывал совершенно независимо от того, кто и зачем подделывал чужие почерки.

Павел взял вилку.

Анна Петровна посмотрела на него так, словно только теперь вспомнила, что сама пригласила гостей к столу.

— Ешьте, пожалуйста. Простите меня.

— Вы нас кормите, — ответил помощник. — За это не извиняются.

Михаил сел.

Ксения придвинула к нему чашку. Он поблагодарил, не поднимая глаз, и немедленно рассердился на себя: ещё немного такого усердия — и она решит, что он избегает её взгляда из неприязни.

Пирог оказался с рыбой. Под тонкой коркой лежали лук, рассыпчатый рис и сочные белые кусочки, пахнувшие укропом. Михаил вдруг понял, что голоден.

Анна Петровна к своей тарелке не притронулась.

— Вы полагаете, письмо поддельное?

— Я пока полагаю, что его происхождение нужно проверить.

— Но кому это понадобилось?

— Возможно, тому, кто хотел, чтобы вы перестали доверять определённой женщине.

— Софье Карловне?

— Возможно. Но имя в письме не названо.

Ксения подняла голову.

Михаил заметил это.

— Вдов, — продолжил он, — больше одной. Птица кажется точной приметой. Однако мы ещё не знаем, кому она принадлежала и кто об этом знает.

Павел осторожно положил вилку.

— А сама птица знает?

— Боюсь, её показания будет трудно отделить от чужих.

— У некоторых людей тоже.

Анна Петровна впервые слабо улыбнулась.

Этого оказалось достаточно, чтобы завтрак сделался завтраком, а не заседанием возле нетронутого чайника.

После еды Михаил попросил показать комнату покойного.

Анна Петровна сразу встала.

— Я провожу.

Но у дверей остановилась и взялась за спинку стула.

Ксения подошла к ней.

— Я сама. Ты отдохни.

Хозяйка не стала спорить.

Ключ она достала из кармана платья. Не с пояса экономки, не из ящика с хозяйственными мелочами — держала при себе.

Михаил принял его.

— Я ничего не заберу без вашего разрешения.

Анна Петровна посмотрела на него с внезапной усталостью.

— Лучше бы вы что-нибудь вернули.

Он не нашёл ответа.

И был благодарен Ксении, которая просто открыла дверь и пошла впереди.

Кабинет находился на втором этаже, рядом с выходом на балкон.

Михаил повернул ключ.

В комнате было прохладно. Письменный стол стоял боком к окну. На сукне лежали нож для бумаги, пресс и закрытая чернильница. Над креслом висела небольшая карта, возле стены — шкаф с книгами.

Никакого беспорядка.

От этого отсутствие хозяина ощущалось сильнее.

Сюда можно было вернуться через час, сесть и продолжить прерванное занятие.

— Кто здесь убирает? — спросил Михаил.

— Я вытираю пыль. Бумаги не трогаю.

— После смерти что-нибудь перекладывали?

— Конечно.

Ксения ответила без смущения.

— Искали завещание, письма, счета. Анна Петровна хотела понять, нет ли долгов. Николай Осипович помогал.

— Глинский?

— Да.

Михаил положил привезённое письмо на свободный край стола.

— В каких отношениях Глинский был с вашим покойным родственником?

— Анна Петровна мне не родственница.

Он обернулся.

— Простите.

— Не за что. Моя мать жила здесь последние годы. После её смерти я осталась. Так что для посторонних мы обычно родственницы. Это короче.

Она провела пальцем по спинке кресла.

— Николай Осипович бывал часто. Они с хозяином работали с бумагами. Иногда спорили. Я не присутствовала.

— А французский вы знаете?

— Немного.

— Значит, могли бы прочитать письмо сами?

Ксения посмотрела прямо на него.

— Медленно. Со словарём. Анна Петровна знает это.

Михаил почувствовал неловкость.

Вопрос прозвучал не так, как он хотел.

— Я спрашиваю не потому, что подозреваю вас.

— Лучше спрашивайте, даже если подозреваете. Иначе мне придётся угадывать.

Она сказала это спокойно, без вызова.

Михаил вдруг понял, что именно привлекло его ещё на крыльце. Не прядь у виска, хотя прядь тоже. Редкая способность не суетиться рядом с чужим беспокойством.

Он отвёл взгляд к столу.

— Мне нужны образцы почерка. Желательно французские. И несколько русских писем за разное время.

Ксения подошла к шкафу.

— Покажу, где искать.

Сама она ничего не выбрала.

Только открыла нижнюю дверцу и отступила, оставляя решение ему.

Это Михаил тоже запомнил.

Вскоре на столе лежали перевязанные пачки, старая записная книжка и несколько конвертов.

Он просматривал их медленно.

Одного крючка на конце строки было недостаточно. Тем более крючка, который он помнил смутно, без той самой забытой тетради.

В поздних письмах рука действительно дрожала. Длинные линии распадались на мелкие неровности. Но короткие пометки на полях оставались твёрже.

— Он быстро уставал? — спросил Михаил.

— В последнее время. Иногда просил меня записывать.
— А Глинского?
— Тоже.
Павел, до сих пор молча стоявший у окна, повернулся.
— Тогда почерков тут может быть несколько.
— Именно, — сказал Михаил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.